

Новая девушка

Автор:

[Харриет Уокер](#)

Новая девушка

Харриет Уокер

Ток. Блестящий триллер

Пьянящая смесь «Дьявол носит Прада» и «Исчезнувшей» с терпкими нотками «Круэллы» от фэшн-редактора газеты «Times». Более десяти лет она писала для таких изданий, как «Vogue», «Financial Times» и «The Guardian».

Правдивые, эксклюзивные подробности изнанки модного мира от работницы индустрии.

Захватывающий триллер о том, как быстро успешная жизнь может пойти под откос, если потерять уверенность в себе, поддавшись страхам и самокопанию. О женской дружбе и ненависти. О проблемах беременности и материнства. И конечно о силе социальных сетей, способных исказить наше восприятие реальности, разрушить нашу жизнь, отношения с близкими...

Лаконичный, но яркий и цепляющий слог, позволяющий живо представить происходящее.

Внезапный финал, который почти невозможно предугадать.

Она заняла твое место – на время. Но что если это навсегда?

Все завидуют Марго Джонс. Блестящая карьера в гламурном журнале, любящий муж, прекрасный дом, утонченный гардероб, а теперь еще и долгожданный первенец – кто не мечтает оказаться на ее месте? Поэтому для журналистки Мэгги Бичер декретная ставка на месте Марго – шанс изменить свою жизнь.

Кажется, что она не претендует на то, чтобы сравняться с великолепной Марго Джонс, и понимает, что является не более чем временной заменой. Но действительно ли мотивы Мэгги так невинны? И что произойдет, когда Марго захочет вернуть себе прежнюю жизнь? Мэгги Бичер ничего не отдает просто так...

Это захватывающий триллер о том, как быстро успешная жизнь может пойти под откос, если потерять уверенность в себе, поддавшись страхам и самокопанию. О женской дружбе и ненависти. О проблемах беременности и материнства. И, конечно, о силе социальных сетей, способных исказить наше восприятие реальности, разрушить нашу жизнь, отношения с близкими...

«Напряженный, стильный, захватывающий... Этот роман удовлетворил все мои пристрастия к триллерам и мою любовь к сплетням о мире моды». – Люси Фоли

«Блестящий дебют... тревожный психологический триллер... Внутренние познания Уокер в мире моды очаровывают, а великолепный сюжет не даст уснуть всю ночь и заставит вас нервно перелистывая страницы». – The Times

«Интригующая и переполненная напряжением книга. Ее нужно прочитать обязательно». – Клэр Макинтош

«Женская дружба, мода и жесткое соперничество создают интригующий дебютный роман». – Grazia

«Меня ничто так не захватывало со времен "Исчезнувшей". Я не могла оторваться. Это шедевр». – Эмма Ганнон

«Я была полностью поглощена "Новой девушкой". В этом захватывающем дебюте Харриет Уокер рисует все оттенки серого между дружбой и соперничеством. Рекомендую». – Луиз Кендлиш

«Суровый взгляд на глубокую неуверенность женщин в интригующем дебюте модного редактора "Times"». – Woman Home

«Неординарный триллер, от которого я не могла оторваться. Красиво написанная, напряженная и пугающая история о токсичной дружбе,

неуверенности и чувстве вины. Это заслуживает быть очень популярным». – Клэр Дуглас

«Напряженный психологический триллер, пугающее и запутанное исследование сложностей женской дружбы и соперничества». – Шарлотта Филби

Харриет Уокер

Новая девушка

Harriet Walker

THE NEW GIRL

© 2020 by Harriet Walker This translation is published by arrangement with Ballantine Books, an imprint of Random House, a division of Penguin Random House LLC

Серия «Ток. Блестящий триллер»

Художественное оформление Е. Елькиной

В оформлении переплета и суперобложки использованы фотографии: © Luba V Nel, NarisaFotoSS, Diana Taliun / Shutterstock.com;

Пиктограммы на форзаце: © Palsur, Buternkov Aleksei / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Петухов А.С., перевод на русский язык, 2021

* * *

Посвящаю родителям, которые забыли о себе, чтобы я могла достичь того, чего достигла.

Она как будто упала прямо с небес.

И сейчас лежала перед ними, а возле ее головы словно расцветал чернильный цветок.

Звуки шагов затихали, люди замедляли свой ход и медленно собирались вокруг. Наступила почти полная тишина, лишь изредка прерываемая то покашливанием, то тяжелыми вздохами. Но и они, как перед началом спектакля, постепенно затихли. Разговоры прекратились, словно по мановению волшебной палочки.

А в нескольких шагах, там, куда не распространялись шок и ужас, охватившие стоявших здесь, мир продолжал жить своей обычной жизнью. Капли дождя барабанили по стеклам, какая-то птица пела, подражая звукам мобильного телефона. Где-то вдали хлопнула дверь – должно быть, ее закрыло порывом ветра, потому что вся человеческая деятельность на какое-то время замерла. Замерла из-за нее.

Над телом стояли две молодые женщины. Обе были живым воплощением поразившего всех ужаса: руки зажимают рот, глаза, в которых стоит немой вопрос, шарят по лицам зевак, избегая смотреть только в одном направлении.

Женщины упорно не смотрят друг на друга.

И не задают друг другу никаких вопросов.

И чем дальше темная жидкость растекается по линолеуму фисташкового цвета, тем больше она бледнеет и теряет свой неестественный вид, тем больше становится похожа на то, чем является на самом деле, – на кровь.

Часть I

1

Марго Джонс

Я впервые почувствовала, как в моем чреве зашевелился ребенок, как раз в тот самый момент, когда у Винни родился сын. Родился, чтобы умереть часом позже.

Только вышла из душа и как раз закуталась в полотенце, и вдруг где-то глубоко внутри ощутила слабое движение. Даже не движение, а легкий намек на него, как будто кто-то шаркнул по неровности дороги. Одиночный всплеск, едва заметный толчок, легкое подобие шевеления в матке – признак зарождающейся жизни.

Чуть не задохнувшись, я почувствовала легкий приступ тошноты при мысли о том, что во мне поселилось нечто. Будь проклята эта научная фантастика. Ведь в первую очередь этот намек на движение свидетельствовал о чуде возникновения новой жизни, о том, что мне улыбнулся Лик Божий, который одинаково улыбается и нищим, и высокородным. Хотя в наше время первое, что в этот момент приходит в голову любой беременной женщине, – Чужой, вырывающийся из мужской груди в кровавом фонтане.

Тогда я, кажется, улыбнулась, и мурашки на руках постепенно исчезли. Позже я еще вспомню, как в самый первый момент вздрогнула от отвращения, и почувствую стыд.

В те же самые минуты только что родившегося малыша Винни стремительно везли на крохотной пластиковой кровати по бесконечным коридорам больницы – его фиолетовые конечности все еще были испачканы кровью матери. Экран моего телефона вспыхнул, и я увидела послание с массой медицинских терминов, которое пришло от моей самой старинной подруги, – сердце новорожденного сначала почти остановилось, а потом судорожно забилось вновь. Мой невразумительный ответ был полон ужаса, смешанного с облегчением, а потом случилось ЭТО.

«Он умер», – появилась на экране короткая фраза.

Я тут же набрала номер Винни, но мне никто не ответил. Тогда мне не пришло в голову, что я могу больше никогда не услышать голоса лучшей подруги, но пустота, сменившая в моих ощущениях ту бодрость, которую я испытывала всего несколько мгновений назад, была предвестницей всего того, что ждало меня в будущем. Она означала, что впервые за последние двадцать лет у нас с Винни появилась проблема, которую нам придется решать поодиночке. После того как со стола убирают остатки поминальных блюд и уходят последние соболезнующие, человек остается со своим горем один на один. Смерть ребенка можно оплакивать только в полном одиночестве.

Разъединившись, я послала ей голосовое сообщение, хотя сейчас уже не вспомню точно, что тогда наговорила. А потом было письменное сообщение: «Мне страшно жаль. Люблю тебя. Если понадобится, я всегда рядом».

Нужно возвращаться к работе.

Сегодня я должна была появиться в офисе после целого месяца, проведенного на различных показах. Когда я только начинала в качестве ассистентки, то есть девочки на побегушках, ездила только на показы мод в Лондоне – с билетом, дающим право ютиться в самых дальних рядах. Приходилось вытягивать шею, чтобы увидеть не только головы манекенщиц, но и располагавшиеся ниже сверхъестественные творения гуру мировой моды.

В те дни я запоминала коллекции по музыке, их сопровождавшей, и по прическам моделей, а не по самим одеждам – те я рассматривала позже, в записи. Взбираясь по карьерной лестнице, я поняла, почему так много фешен-редакторов повернуто на обуви – ее видишь только тогда, когда занимаешь на

показах место в первом ряду.

В этом сезоне я побывала на показах в Нью-Йорке и Париже, а также в Милане, что в последние десять лет регулярно делала дважды в год. Правда, на этот раз захватила крохотного зародыша, который был со мной и на жестких скамейках, и в роскошных драпированных креслах и которого/которую (мы так и не выяснили пол – Ник был против) я тайно проносила через ограждения из бархатных канатов и мимо затянутых во все черное швейцаров на все те приемы и открытия роскошных бутиков, куда нас приглашали вдвоем с мужем. Там мы чокались бокалами с шампанским, но не пили из них.

Я улыбалась каждый раз, когда вспоминала, как утомительно было таскаться на мероприятия с довеском, чьи потребности заставляли хищно выслеживать официантов, словно высеченных из цельных кусков мрамора, и подчистую сметать изящные закуски с серебряных блюд у них в руках.

Но сейчас я уже в Лондоне, и настало время возвращаться в офис. Сегодня должны выбрать человека, который заменит меня на период декретного отпуска. Человека, готового взять на себя ту работу, которой я добивалась десять очень непростых лет. И до сего момента эта перспектива казалась мне ужасной. Но сейчас я могла думать только о жизни крохотного существа, возникшей и угасшей в нескольких милях от меня.

Вместе с Винни мы провели последний уик-энд, болтая и веселясь от души. Планируя, что будем делать в течение нескольких следующих месяцев, когда расстанемся с офисами и сможем, свободные как ветер, гулять днем где нам вздумается, наслаждаясь компанией друг друга и наших крохотных спутников. В нескольких шагах от дома, где жили мы с Ником, открылась новая кофейня с голыми кирпичными стенами и висящими на ничем не прикрытой арматуре лампами – автобус, шедший от дома Винни, останавливался прямо перед ней.

Винни знала, что у нее будет мальчик, – прямо с тех пор, как это стало очевидно на экране УЗИ. Свое нетерпение она объяснила желанием заранее спланировать жизнь младенца и придумать ему имя, на что я в шутку сказала, что она помешана на желании контролировать все и вся. Так в возрасте 20 недель малыш получил имя Джек.

Пока я была у Винни, пришлось зайти в туалет: кажется, я теперь большую часть времени провожу на толчке – каждый час выжимаю по несколько капель, а мочевого пузыря остается полным. Там я наслаждалась видом бесчисленных белых детских трико, вывешенных для просушки. А еще в доме были: жесткая деревянная кровать, застеленная белоснежными простынями, пеленальный столик, заваленный подгузниками и пеленками из хлопка, и целый набор кремов и присыпок, о которых я в жизни не слыхала, хотя моя прямая обязанность – писать о различных непонятных и предназначенных только для избранных косметических средствах.

В Винни всегда было больше материнского, чем во мне, – она спокойнее, терпеливее, и инстинкты развиты гораздо сильнее. А еще она добрее. Так что материнство для нее – естественное состояние, и я была благодарна за то, что наши дети должны были родиться с интервалом в пять месяцев. Это означало, что у меня есть целых пять месяцев, чтобы научиться искусству взращивания детей, подобно тому как в школе я списывала у нее, лучшей подруги, рефераты.

Когда я села на автобус до офиса, сердце сжималось от мыслей обо всей этой суете, покупках и подготовке к тому моменту, когда Джек должен был наконец по-явиться дома. На глаза наворачивались слезы, когда я думала о том, как теперь Винни и ее муж Чарльз вернутся в дом, полный предвкушения настолько, что в предшествующий уик-энд его стены чуть ли не вибрировали. Перед глазами у меня стояла их терраса из красного кирпича, оседающая под грузом скорби, когда они прибудут вдвоем, а не втроем.

Они выглядели такими готовыми к тому, чтобы стать родителями – казалось, все внутри них звенит от этой готовности и от нервного напряжения вот-вот посыплются искры. Пока Винни занималась приготовлениями к появлению малыша, Чарльз подчищал концы на работе. Он планировал провести с ними первые шесть недель жизни Джека.

– И в результате мы поубиваем друг друга, – смеялась Винни в прошедший уик-энд. – Невозможно торчать нос к носу так долго.

Хотя я сомневалась, что за все это время они хоть раз повысят голос. В прошлом такого никогда не случалось.

Они выглядели абсолютно гармонично, пока Чарльз путешествовал на кухню и обратно, подавая чай и принося различные детские принадлежности, которые Винни хотела мне продемонстрировать. При этом успевал рассказать, сколько всего пришлось приобрести, готовясь к рождению сына. В энтузиазме он не уступал Винни, и мысли о том, каким отцом он станет, распирали его так же, как Винни распирал младенец.

Помимо сходства со всеми заботливыми мужьями, в нем наблюдалось сходство с одной из тех собак, что отказываются покидать беременную хозяйку. Его желание чем-то помочь Винни было неиссякаемым – он был предан ей до бесконечности. На «Ютьюбе» научился делать массаж ног. Когда наступило время прощаться, стоял рядом с Винни на ступеньках крыльца, обняв ее за плечи, как будто хотел от чего-то защитить, пока они махали мне вслед.

В следующий раз он должен был распахнуть передо мной дверь и представить новорожденного сына. Теперь этого никогда не случится.

Обычно по пути на работу я читаю новости в телефоне, но сегодня не могла понять смысла слов перед глазами. И пока двухэтажный автобус пробирался по укутанным смогом улицам юго-западного Лондона, я все пыталась как-то связать долгожданного Джека со всеми его будущими возможностями с этим мертвым малышом, над которым оставалось только преклонить в рыданиях колени, вместо того чтобы ласкать и ворковать над ним. Связать с неподвижным телом, всего несколько дней назад ерзавшим под туго натянутой кожей живота Винни.

У меня было ощущение, что утром я проснулась в параллельной вселенной, привела себя в порядок и села на сороковой маршрут, приехав черт знает куда. А в нашей родной вселенной Джек, конечно, вручен счастливой матери и благополучно засопел в теплых и ласковых руках моей лучшей подруги и верного товарища, столько раз обнимавших меня...

Но мой собственный ребенок вдруг пошевелился в этой измененной реальности. Он подтвердил свое существование, свое наличие, свои права на меня и на окружающий мир. И это было самое земное и острое ощущение, которое я когда-либо испытывала.

* * *

Когда я появилась в офисе, кандидаты уже расположились вдоль одной из стен. Склонив аккуратно причесанные головы, они уставились в экраны телефонов, сидя под пластиковым логотипом-переростком нашего журнала: «От»[1 - Первая часть выражения «от-кутюр» (фр. «haute couture»), «высокая мода»; само по себе может означать «вершина», «сливки», «элита», «лучшее из лучшего» и пр.]. Одна из любимых шуток Мофф – полные надежд люди помещались под довольно прямолинейным указанием на то, чего они хотят достичь.

Я достаточно хорошо знала своего босса, чтобы осознавать, что она срежиссировала практически всю свою жизнь. Будучи в первую очередь охотницей за сенсациями, Мофф видела их практически во всем: фотографии, дизайн страниц и заголовки – только это занимало каждый ее день. Две женщины, соперничающие друг с другом за редкую возможность поработать в одном из самых успешных в стране журналов мод – пусть даже то короткое время, пока я буду в декретном отпуске, – коллизия, коей главный редактор этого журнала, Эмили Моффатт, не могла пропустить. Наверняка предложит проигравшей написать о своем опыте в следующий номер.

Я быстро прошла мимо, стараясь не разглядывать их слишком пристально, благодарная богу за то, что живот пока еще не слишком сильно выпирает и что я все еще похожа на этих двух изящных, хорошо одетых женщин, пришедших побороться за мое место. Не относясь к той части представительниц индустрии моды, что балансируют на грани истощения, я, тем не менее, высокая и достаточно стройная женщина, обладающая достаточной долей цинизма, чтобы понимать: внешние факторы будут играть не последнюю роль в битве на утренних собеседованиях.

Радуйся, что еще кому-то нужна и не ходишь вразвалку, как утка.

Я хорошо понимала, что хотя главная цель Мофф – найти такого же писучего и квалифицированного фешен-редактора, как нынешний, она станет также внимательно оценивать, как каждый кандидат будет смотреться перед камерой и на обложке журнала и носить дорожные дизайнерские наряды, как попало хранящиеся в гардеробной в конце холла, напоминающей кладовую благотворительной организации.

Когда я появилась здесь впервые в качестве практикантки много-много лет назад, личный помощник Мофф провел меня к этой гардеробной и велел

«навести тут хоть какой-то порядок».

В работе в «От» было много такого, что не совпадало со сценарием «Дьявол носит “Прада”»[2 - «Дьявол носит “Прада”» – фильм 2006 г., рассказывающий о девушке, которая делает карьеру в модном журнале «Подиум».]. Его я, двадцатидвухлетняя, посмотрела всего за месяц до моего появления здесь. Меня встретили холодные туалеты, где курьеры, доставлявшие одежду в мешках с логотипами модных домов, прятались, чтобы в перерыве почитать таблоиды; прогорклый запах рулетов с копченой грудинкой, поднимавшийся из кафе Спираса на первом этаже; парни с верхнего этажа, где располагалась редакция журнала «Гол!», которым обязательно надо было втиснуться в уже переполненный лифт; и, наконец, мышь, регулярно появлявшаяся между колесиками моего рабочего кресла, готовясь сожрать хлопья, оставленные на столе.

Но самое большое отличие от этой сказки о мире моды заключалось именно в гардеробной. Помню, как загорелись мои глаза – а они загорались у всех, – когда у меня появилась возможность заглянуть в нее. Я ожидала увидеть – как и все, кто посмотрел гребаное кино, – идеальный дизайнерский бутик с подсвеченными полками, негромкой музыкой и рядами обуви и сумок вдоль стен, как будто ждущими покупателя.

Мое разочарование тем, что я узрела в действительности, было настолько сильным, что граничило с отвращением. Гардеробная размером с ванную комнату, причем скромных размеров, с рядами полок от пола до потолка на всех стенах и четыремя вешалками, стоящими в ряд посередине помещения, а весь пол, от двери до окна в дальней стене, завален едва ли не по пояс набитыми под завязку пакетами из бутиков, о которых я в то время могла только читать в журналах.

Из пакетов торчали обитые атласом туфли карнавальных цветов на высочайших шпильках, сумки из крокодиловой кожи, украшенные заклепками и шипами из розового золота, шелковые блузки с принтами, воздушные тюлевые юбки, кожа, деним, парча, стразы. Все это было предназначено для редакторов и стилистов и привозилось в редакцию с одной только целью – чтобы они выбрали что-то, что потом будет сфотографировано на лучших моделях и размещено на страницах журнала, о чем они потом будут писать и кричать на всех углах, чем будут восхищаться и что будут продвигать, – ну и для ассистентов, в чьи обязанности входило отправить всю эту роскошь назад после того, как необходимость в ней

отпадет.

Никогда в жизни я не созерцала такую красоту столь близко, никогда не касалась ничего подобного и, уж конечно, не примеряла (пока за мной не закрылись двери гардеробной). И в то же время никогда не видела более пренебрежительного отношения к вещам стоимостью в три мои зарплаты или даже больше. Сама с детства очень бережно относилась к своим вещам, была аккуратной и чистоплотной, и всегда уважала стоящие вещи, не говоря уже о дорогих. И вот тогда я поняла пропасть, разделяющую меня и женщин, оставшихся за закрывшимися дверями. Для них красота и деньги были расходными материалами, запасы которых практически неисчерпаемы.

Раньше мне нравилось думать, что Мофф взяла меня на работу за мой искрометный литературный дар, за мое остроумие и за мой стиль, музыкой льющиеся со страниц журнала – и все это босс действительно впоследствии оценила в своем фешен-редакторе, – но в глубине души я знала, что работу получила за превращение гардеробной из блошиного рынка в абонементный зал библиотеки.

Начала я с того, что глубоко вздохнула и очистила пол от роскошного мусора, разложила мелочь по полкам, помеченным инициалами редактора, затребовавшего их, с указанием даты, когда они были доставлены, а одежду развесила на вешалках по именам дизайнеров и в соответствии с сезонными трендами. Частенько среди барахла находились одиночные туфля или сережка – их я откладывала в сторону в надежде позже найти пару.

Я нашла вещи, считавшиеся давно утерянными и полностью оплаченные под нажимом разъяренных рекламщиков того или иного лейбла: меховую шубку, направившуюся прямым ходом в угловой кабинет Мофф – ее она с тех пор время от времени надевала зимой; заколку для волос с бриллиантами, которую Трина, наш бьюти-редактор, надела на свою помолвку, и странно скроенное шелковое платье-футляр: его Лора, бывшая тогда фешен-редактором, выбирала для выгула в каждом сезоне, при этом театрально подмигивая мне так, чтобы это видел весь офис.

– Большое спасибо вам, мисс Джонс! Лучшая уборщица в мире моды! – заливисто смеялась она при этом.

На какое-то время прозвище пристало. Надо признаться, начало моей работы в мире моды было более обыденным, чем у большинства женщин в нашем офисе, ведь многие из них пришли, в отличие от меня, не с улицы, а унаследовали свои места как представительницы целых династий. В то же время мой провинциальный акцент и тот факт, что Мофф обратила на меня внимание только из-за того, что я прибралась в гардеробной, слишком напоминали историю Золушки, чтобы не воспользоваться этим в дальнейшем.

На эти возгласы я краснела и пожимала плечами. Среди моих находок был также помятый габардиновый плащ: я постоянно воображала Джеки О[З - Жаклин Ли Бувье Кеннеди Онассис (1929–1994) – вдова президента США Дж. Ф. Кеннеди и греческого миллиардера А. Онассиса, в свое время заметная фигура в мире высокой моды.] в черном свитере и обтягивающих брюках, накидывающей его. Чтобы купить такое произведение модного лейбла, я должна была бы копить несколько лет. И тот факт, что мне пришлось бы расстаться с кучей денег в магазине, не мог не вызвать чувства праведного гнева.

Но мне сказали, что я могу взять плащ себе за великолепно проделанную работу – мало кто мог предположить, что десять лет спустя я все еще буду здесь. Время от времени я надеваю этот плащ – будучи уже поглавнее многих.

* * *

К тому моменту, когда должно было начаться первое собеседование, я все еще ничего не получила от Винни. И чувствовала, что не могу избавиться от мыслей о трагедии, особенно когда перед глазами вставали хлопковые чепчики, купленные для Джека, до смешного крохотные носки, покупая которые мы весело хихикали в воскресенье, и пластмассовая ванночка, прислоненная к умывальнику в ванной комнате.

С трудом верилось, что я все еще не разрыдалась – наверное, благодаря гормональным изменениям в организме, – ведь в последние недели я охотно ревела над рекламой приютов для бездомных животных и страхования жизни. Вместо того чтобы реветь белугой, я ощущала горе моей подруги как тупую боль где-то в глубине горла. Она распространялась на сердце, дрожащие руки и живот, где бабочки уступили место печали, глухой и тяжелой, как булыжник.

Наверное, бывают несчастья, не проливающиеся слезами – просто причиняющие боль.

Я ничего не могла рассказать Мофф – не знала, как это сделать, а она наверняка не знала, как воспринять подобные новости. Ведь это звучало бы как отрывок из сентиментальной телепередачи.

Только там можно услышать об умирающих младенцах. Хотя они и умирают каждый день, мы предпочитаем притворяться, что этого не происходит.

Мне не хотелось рисковать, чтобы не разрыдаться на глазах у своего босса – с эмоциями у Мофф всегда были проблемы. Конечно, сначала она будет шокирована и постарается казаться отстраненной, а потом наверняка отправит меня домой. А остаться в одиночестве – последнее, что мне было нужно.

Поэтому я повесила пальто за рабочим столом и расправила безразмерную рубашку, которую надела вместе с джинсами цвета индиго.

Пока не собираюсь одеваться как беременная!

И стала рыться в своей жесткой кожаной сумке – справки о беременности, витамины для беременных, бутылка с водой, косметичка – в поисках черного футляра с мобильным телефоном, пропуском и записной книжкой. Отыскав его, прошла в комнату для переговоров со стеклянными стенами рядом с кабинетом Мофф.

Две женщины, пожелавшие занять мое место, меня уже знали. Видели фото в Сети – крайне неудачно обрезанный снимок, который я ненавидела и который сопровождал большинство моих статей, где он располагался на самом верху страницы, как раз рядом с именем. Они знали меня по тому месту, которое я занимала на показах: таблички с каллиграфически написанными именами расставлялись на креслах или – через слишком лестные для иных бедер интервалы – на жестких белых скамьях; чтобы все знали, чья задница займет то или иное место. И пока приглашенные ищут свое имя, прогуливаясь вдоль подиума, они читают чужие, чтобы позже нагло заговорить с кем-то нужным или чтобы безжалостно обсудить чьи-то промахи с членами своей клики.

Я даже сказала Мофф, что смутно представляю себе, кто такие эти две соискательницы. Хотя, честно говоря, знала абсолютно точно. Потому что изучила тех, кто, возможно, заменит меня, не менее тщательно, чем изучала кандидаток в няньки будущего ребенка. Заранее готовилась к тому времени, когда вернусь из отпуска. Потому что, хотя моя работа и не заставляла меня трепетать от восторга, она все-таки была частью моей жизни. Частью значительной, часто эмоционально напряженной, иногда бесившей, но тем не менее живой и доставлявшей удовольствие – свою работу я люблю. И выполнить ее могла только наиболее способная из кандидаток.

Женщина, способная выполнять все распоряжения Мофф и в то же время готовая безропотно свалить через год.

Первая соискательница, известная по колонкам светской хроники, была замужем за наследником миллионной консервной империи. Я заметила, как Мофф насторожилась, ощутив аромат денег, исходивший от этой женщины, увидев ее безупречные волосы, забранные в конский хвост и брошенные на плечо, заметив светящуюся изнутри кожу, ухоженные, но не покрытые лаком ногти и достойные птеродактиля острые локти, говорившие о потреблении калорий в количествах, едва достаточных для нормального функционирования организма. Изящная кукольная фигурка была затянута в идеально сидевшие черные брюки и простую водолазку, а на ногах сидела пара лоферов[4 - Лоферы – туфли, напоминающие мокасины на толстой подошве, с каблуком и часто без декоративных «кисточек».], за которые любой фешен-редактор продал бы душу дьяволу.

Когда я подумала о том, что она может занять мое место, внутри меня все похолодело – я всегда неуютно чувствовала себя с людьми столь же богатыми, сколь и безукоризненными. Я знала, что являюсь по натуре девушкой трепетной и неуверенной в себе (Винни вечно распекала меня за это, грозя пальцем и приговаривая: «Посмотреть не на что!»), но эта женщина действительно была воплощением всего того, чем я не была, так что, если она получит мою работу, Мофф может в конце концов понять, что копия иногда бывает гораздо лучше оригинала. Уверенность, дающаяся только соответствующим образованием, внешний вид, являющийся результатом естественной красоты и приобретенного лоска, легкость в обращении – результат абсолютной убежденности в том, что собеседник хочет тебя выслушать...

Только через мой труп.

Пока Мофф хихикала над сплетнями кандидатки и расспрашивала ее об общих знакомых, я обдумывала свою стратегию. Мне пришло в голову, что женщина, которую мало интересуют деньги, являющиеся важной частью предлагаемой позиции, скорее всего сломается, узнав об абсолютной преданности делу, требуемой Мофф от всех сотрудников. Так что я рассказала, как иногда приходится оставаться в офисе за полночь, чтобы вовремя сдать материалы в печать, как приходится писать срочные сообщения прямо в телефоне на улице под дождем – с тем чтобы информация «От» непременно оказалась первой в ленте новостей.

Глаза женщины, глубоко посаженные над аристократическим носом, расширились...

Слишком просто сдалась!

Она наверняка сообщит о своем отказе прямо из такси по дороге домой.

– А теперь у нас... – Мофф посмотрела на следующее резюме после того, как первую соискательницу проводили из конференц-комнаты, а вторая заняла место напротив нас за столом с красной плексигласовой столешницей. – Марго?

– Ой, что вы, нет, – поправил ее приятный голос, пока его хозяйка поправляла рукава ладно скроенного темного пиджачка. – Так написано в моем резюме, но меня никогда не звали «Марго» – слишком официально и пахнет нафталином. – Женщина улыбнулась – сплошные непокорные темные кудряшки и вульгарная красная помада. – Зовите меня Мэгги.

2

Мэгги Бичер

Она чуть не умерла, поняв, что сморозила. Официально! Пахнет нафталином!

И это об имени женщины, попадавшемся ей на глаза все эти годы каждый раз, когда она открывала «От», имени, стоявшем в выходных данных, где, возможно, будет заменено ее собственным именем... Хотя теперь вряд ли.

Боже, Мэгги, какая же ты идиотка!

Ей часто говорили – обычно мужики на строительных площадках или в пабах, – что у нее большой рот (с яркой помадой он является одной из самых привлекательных ее черт), но она никогда не открывала его настолько широко, чтобы облажаться по полной. До сегодняшнего дня. Ну что на это скажешь? На нервах она полный отстой...

А направляясь на собеседование, Мэгги реально нервничала. Такая работа на дороге не валяется. Еще бы. Фешен-редактор глянцевого журнала – это нереально круто.

Сидишь и думаешь о всяких красивых вещах, а те, кто делает такие вещи, присылают их тебе, чтобы ты убедилась, насколько они красивы. Много путешествуешь – наверняка надо быть на всех Неделях моды, – а кроме этого берешь интервью у шикарных людей в разных необычных местах, иногда оказываясь там только потому, что у бренда, желающего завоевать твое расположение, просто имеется достаточно денег, чтобы оплатить твое пребывание там.

Проще говоря, она вполне могла бы взять на себя эту работу – по крайней мере на год, до тех пор, пока Марго Джонс не решит вернуться. Мэгги с удовольствием согреет место Марго в ее отсутствие.

Надо отдать должное фешен-редактору – она не обратила никакого внимания на вырвавшиеся слова. И пока Мэгги старалась как-то сгладить впечатление, Марго улыбнулась и сама начала беседу.

– Привет, Мэгги! Вот уж не знала, что ваше полное имя – Марго... Судя по всему, нас не так уж мало в этом мире. Как ваши дела?

Мэгги так и подмывало объяснить свою ошибку тем, что женщина, сидящая напротив, действительно Марго, Марго-Марго, то есть та, до кого соискательнице очень далеко. Она никогда не соответствовала этому

элегантному имени – невысокого роста, грудастая, грубоватая и способная на кошмарные оплошности в общении.

Другая же Марго высокая и гибкая, ухоженная, с длинными прямыми светлыми волосами и очень чистой бледной кожей. Как всегда, она выглядела безукоризненно, хотя, возможно, и чувствовала себя чертовски скверно. Интересно, на каком месяце? Наверное, уже скоро. Но все равно сейчас Мэгги ощущала себя менее комфортно, чем визави, особенно запутавшись в рукавах пиджака, одолженного у соседки по квартире Кэт.

Но об этом Мэгги ничего не сказала.

– Да всё в порядке, спасибо, – ответила она.

В этот момент Мэгги по глазам Мофф поняла, что та готова послать ее куда подальше – до этого они светились живой заинтересованностью, связанной с оплошностью и возможным раздражением Марго по этому поводу. И вновь Мэгги привычно прокляла себя за то, что не смогла подать свою персону с более выгодной стороны. Тем не менее ей показалось, что Марго в нее верит.

Впервые они встретились много лет назад, во время поездки для СМИ – одной из тех, что бренды устраивают не слишком часто, считая их очень уж дорогими и совершенно бесполезными. В тот раз один из нишевых водочных брендов отправил толпу журналюг на три дня в Исландию и разместил в отеле со всякими прибабасами, где их возили на теплые источники исключительно на «Мерседесах» и организовали экскурсию на гейзеры на вертолетах; кормили же в лучших ресторанах Рейкьявика. Мэгги получила место, пообещав написать обо всем в колонке местной газеты, посвященной еде и напиткам, а Марго пригласили как фешен-редактора «От», то есть человека, который должен знать о нишевой водке, если производитель хочет, чтобы водка вышла за пределы ниши, по крайней мере для определенных кругов.

Группа была странная. Сердце Мэгги чуть не ушло в пятки, когда все встретились в аэропорту возле выхода на посадку, и большинство оказались мужчинами средних лет, пишущими о потребительских товарах для крупных газет. Мужчины среднего возраста – и эта гламурная блондинка в черной кожаной байкерской куртке, серых джинсах и сапогах до колена, казалось, потрясенная видом спутников не меньше, чем Мэгги. Объединенные

обстоятельствами, они были вынуждены держаться вместе. Во время поездки мужчины вели себя как завзятые холостяки и пили не по-детски, так что две женщины развлекались, наблюдая за ними.

– Я почти рада, что я – неисправимая холостячка, – сказала Мэгги Марго, когда в первый вечер они сидели спиной к плиточной стене бара, похожей на стены метро. Заведение, в расчете на хипстерские вкусы, пыталось походить на лабораторию, и напитки подавали в колбах и пробирках. Есть какое-то очарование в том, что европейцы так и не поняли: ничего крутого тут нет.

– Я лучше останусь старой девой, чем выйду замуж вот за этого, – продолжила Мэгги, указав на одного из членов группы, который клеил игривую исландку на танцполе, полном людей, годившихся ему в сыновья.

Может быть, сказано слишком сильно, но в то время Мэгги была зла на весь мир. С момента ее последнего значимого романа прошло уже шесть лет, а через пару месяцев ей тридцать. Она ходила на свидания и даже завела парочку кратковременных интрижек, но ничего действительно серьезного. Вся проблема заключалась в том, что она наконец смирилась с одиночеством. И теперь даже наслаждалась им.

– Надежнее завести младенца в одной из этих штук, – ответила Марго, покачив пробиркой с зеленой жидкостью.

Тогда они обе рассмеялись и стали рассказывать друг другу о своих самых кошмарных ухажерах: один вечно ковырял в носу, другой беспробудно пил, третий постоянно угрожал (поделилась Марго), а еще один носил кожаное пальто в пол (поведала Мэгги).

У Мэгги создалось впечатление: Марго, как и многие женщины ее возраста, находящиеся в отношениях, пытается сказать, что в душе она тоже всегда одинока. Подобные верят, что по большому счету являются безалаберными бабенками, живущими в заваленных обувью жалких квартирках, и лишь случайно встретили мужика, оказавшегося не полным дерьмом. Что ж, без этой веры они действительно были бы как Мэгги, живущая в жалкой квартирке. Попытка проявить солидарность, исходящая от человека более успешного, рассудила Мэгги, – просто завуалированная жалость, ведь так?

Во время поездки они отлично проводили время. Встречались за завтраком в гостинице и на всех мероприятиях сидели рядом. Их дружба была подобна той, что возникает в девичьих скаутских лагерях: официальной и в то же время очень тесной, теплой, но временной. Вернувшись домой, Мэгги купила реплики всех нарядов, виденных на Марго, – в значительно более дешевых магазинах, где товар выдают в пластиковых пакетах, а не в бумажных. Звучит, конечно, жутковато, но, в конце концов, работа Марго именно в том, чтобы заставлять окружающих одеваться как она. Хотя Мэгги чувствовала, что ей будет не-много не по себе, если Марго узнает об этом.

С тех пор они встречались несколько раз – на ланчах и редких обедах, устраиваемых каким-нибудь модным лейблом или компанией по производству шикарных письменных принадлежностей, или на показах, где Мэгги находилась в задних рядах, – и в таких случаях всегда находили время поболтать. Когда же Марго написала, что беременна, и предложила временно занять ее место в модном журнале, девушка не могла поверить в такую удачу. Конечно, гарантий, что она это место получит, не было никаких, Мэгги прекрасно понимала это, но поддержка Марго дорогого стоила.

Будучи фрилансером, Мэгги никогда не сидела абсолютно без денег, но работа оплачивалась по-разному – то густо, то пусто, – к тому же перерывы между заработками бывали довольно значительными. Работа с фиксированной зарплатой подошла бы гораздо больше. Мэгги могла бы слегка расслабиться, может, даже начать кое-что откладывать или вступить, наконец, в пенсионный фонд – то есть сделать то, о чем постоянно врала родителям. Учитывая остальные преимущества работы в «От», это могло бы стать вишенкой на торте, но, судя по увиденному за это утро, ни один из сотрудников издания и близко не приближался ко всяким сладостям, с вишенкой или без нее.

Вроде бы после того, как они закончили со вступительной ерундой, собеседование проходило достаточно успешно. Не будучи фешен-редактором, Мэгги все-таки была журналисткой до мозга костей. Врожденный нюх на интересный материал, умение его искать, мастерский подход к делу превращения заурядного сюжета в историю...

Мэгги всегда очень интересовало, что делает вкус отдельных людей модным трендом. И достаточно рано поняла: большинство людей интересуются именно тем, что представляет интерес с точки зрения кого-то другого.

Казалось, ее энтузиазм достаточно быстро вновь вернул благосклонность Эмили Моффатт – как только главная поняла, что перед ней далеко не новичок. Мэгги приходилось называть ее полным именем: как же иначе, ведь это действительно Эмили Моффатт. В глянцевых журналах не было фигуры более яркой и обладающей большим влиянием. Многие в мире моды критиковали Моффатт у нее за спиной – мол, сука, тиран, карикатура на саму себя, – но все, кого знала Мэгги и кому довелось с ней работать, сходились на том, что сука эта была настоящим профессионалом. И даже те, кто работал вместе с ней много лет, предпочитали говорить об Эмили Моффатт исключительно шепотом.

И вот теперь она сидит напротив Мэгги, как оживший портрет, и беседует с ней. Искусно уложенные волосы цвета воронова крыла – словно отдельный аксессуар, который можно снять, как парик с человечков «Лего», серый брючный костюм в гленчек[5 - Также «Принц Уэльский»; популярный клетчатый орнамент, как правило, черно-бело-серой гаммы, на основе шотландского тартана (где видны четкие квадраты и перпендикулярно пересекающиеся группы полос) с плетением, формирующим ломаные ячейки, известные как «гусиные лапки».], чьими стрелками можно шинковать морковь, лицо настолько утонченное и ухоженное, что для определения возраста обладательницы нужно срезать макушку и посчитать годовые кольца. И эта женщина беседует с ней!

Мэгги скорее почувствовала, чем увидела, как главный редактор посмотрела на нее в тот момент, когда она вошла. Одним движением глаз Эмили Моффатт осмотрела и оценила Мэгги с головы до пят, начиная с прически (с утра Мэгги посетила парикмахера, зная, что непокорные кудри неуместны в такой важный момент) и кончая расшитыми вельветовыми балетками, в панике купленными накануне вечером (нечто похожее было надето на Марго, когда они виделись последний раз).

А в промежутке между крайними точками Моффатт успела заметить пиджак, одолженный у подруги (материал и крой намного лучше, чем у всего, что Мэгги могла себе позволить), «идеальную белую футболку», как это называют фешен-редакторы (по мнению Мэгги, «идеальность» объясняется только сотней фунтов цены) и черные брюки (простенькие, но со вкусом). Кроме того, она успела оценить основные параметры соискательницы. Так, по крайней мере, показалось. Мэгги почти испугалась, что вероятный будущий босс сейчас скажет, что у нее неподходящий размер бюстгальтера, совсем как продавщицы в магазинах женского белья, которые с одного взгляда могут определить, что у вас – 34C или 34D.

Она никому не рассказала бы, сколько времени потребовалось на выбор наряда, но сроки подачи одной статьи точно были нарушены. Как подобрать одежду для встречи с человеком, который еще полгода назад решил, что именно вы должны носить в этом сезоне?

С того самого момента, как она впервые с ними столкнулась – хотя и на расстоянии, – Мэгги не переставала удивляться тому, как одеваются сами фешен-редакторы. Да, на глянцевах страницах своих журналов они могут рассказывать, что в следующем сезоне вернутся 70-е, так что все должны носить горошек, но сами, скорее всего, будут надевать джинсы и свитера или белые блузки натурального хлопка. Конечно, при условии, что джинсы дизайнерские, а свитера кашемировые на миллион процентов. Так что, если отбросить самые одиозные фигуры, в жизни эти женщины – вовсе не те павлины, которыми должны быть, если судить по их публикациям.

Их простой деловой стиль вовсе не значил «вот я какая». Статус зарабатывался неброскостью, чтобы все понимали, что они над схваткой – а это гораздо сложнее, чем выделяться среди толпы каким-нибудь желтым модным нарядом и шпильками в цвет. Такой стиль они оставляли для соцсетей.

На пике своего цинизма Мэгги твердо верила, что такая манера одеваться среди фешен-редакторов – результат невысказанного желания продемонстрировать окружающим свою природную красоту. Ведь для того, чтобы хорошо выглядеть с минимумом косметики, в синем свитере и мешковатых джинсах, требуются молодость, постоянные физические упражнения, уход за собой и милые – или подкорректированные – черты лица. И у Марго все это есть. А вот Мэгги выглядела как мальчишка-подросток, и ее вид мог вызвать только стоны сожаления, если она не была в полной боевой раскраске с утянутым до крайней степени поясом. Понадобилось все мужество, чтобы не явиться на шпильках.

Соседка никак не могла поверить.

– Неужели в этих балетках? – произнесла она со своим явным ирландским акцентом утром, когда бедняга разрывалась на части, готовясь к встрече.

Если б у Мэгги было больше времени до электрички, она обязательно указала бы соседке на то, что если быть по-настоящему модной, то со шпильками следует надеть шелковые пижамные штаны. Без шуток.

Эмили Моффатт успела изучить Мэгги, пока та садилась за стол, а Марго вела себя совсем по-другому. Казалось, была погружена в свой собственный мир – холодные голубые глаза смотрели куда-то вдаль, она машинально покусывала нижнюю губу, демонстрируя белоснежные зубы, а в руке рассеянно вертела ручку. Будто вообще не замечала Мэгги, пока та не заговорила (боже, опять дурацкая фраза в самом начале!).

У Марго был настолько отсутствующий вид, что Мэгги подумала, уж не стоит ли сделать вид, что они не знают друг друга. Где-то она уже слышала, что иногда подобное рекомендуется, потому что якобы главный ни за что не выслушает с благосклонностью кандидата, предложенного уходящей в декрет сотрудницей. Им просто не нравится то, что новичок получил одобрение будущей мамочки, посчитавшей кандидатуру «безопасной» – в этом случае на работу мог выйти простофиля или зануда.

Естественно, Мэгги задумывалась над тем, что Марго могла выбрать ее именно потому, что не видела угрозы своему положению. Была бы идиоткой, если б не думала об этом. Объяснение, в общем-то, на поверхности: Мэгги ниже и толще, у нее нет шика и успешности. Невысокая, непримечательная Мэгги против ледяного гламура Марго. Идеальная «замена». Но Мэгги хотелось надеяться на веру фешен-редактора в то, что знакомая может справиться с работой и станет лояльной заменой, а не пригретой змеей.

Когда собеседование началось, Марго повела себя достаточно дружелюбно и постепенно втянулась в процесс. Так что беседа стала больше напоминать светский разговор, а не допрос с пристрастием. Мэгги даже умудрилась несколько раз удачно пошутить. Когда закончили, Эмили Моффатт сказала, что издательство свяжется с ней через несколько дней, а Марго одарила теплой улыбкой. Мэгги показалось, что та хотела сказать ей, что все прошло удачно, и так расслабилась, что чуть не забыла задать собственный вопрос.

Ей всегда говорили, что кандидат, задающий вопросы, выглядит в глазах работодателей заинтересованным и уверенным в себе, – конечно, если вопрос подходящий. Она продумала его заранее.

– А какова вероятность, что я смогу продолжить сотрудничество с «От» после отпуска Марго? – спросила Мэгги, глядя на главного босса.

И именно в этот момент с Марго произошло нечто странное. Она как раз просматривала сообщения, что по нынешним временам допустимо даже во время разговора. Но вдруг побледнела, задрожала; губы стали серыми, кожа – взмокнувшей, а глаза – пронзительными и взволнованными. Она смотрела на Мэгги и в то же время сквозь нее. Сухожилия на шее напряглись.

– Мы еще поговорим об этом, – резко сказала Марго. – Что-нибудь еще?..

3

Марго

Пришедшее фото не сразу отобразилось на моем экране. Только имя, которое я ждала – жаждала – увидеть все утро, с того самого момента, как услышала кошмарные новости.

Винни.

«Как ты там, моя хорошая? Какого ответа я вообще жду? Как можно продолжать жить, когда будущее внезапно становится прошлым?»

Трясущимися руками я открыла послание от подруги, и оно потихоньку загрузилось на телефон. Большое.

На фотографии был Джек в одном из хлопковых чепцов, который смотрелся на его голове странно большим, хотя в воскресенье, когда Винни им хвасталась, он был не больше ее ладони. На ребенке был белый комбинезончик, рукава заканчивались подобием варежек, не надетых, так что крошечные ручки торчали прямо из рукавов. Длинные пальчики с ноготками выглядели изысканными, несмотря на крохотные размеры, – они напомнили мне корабль в бутылке. Я представила себе, как они шевелятся во время сна наподобие водорослей, омываемых невидимым течением.

Только он не спал. На груди комбинезончик был измят и испачкан, а выражение личика под чепцом замерло навсегда. Глаза были закрыты, на фоне бледной

кожи ресницы выглядели темными, а губы – синими. Джека опутали какими-то трубками, что появлялись из-под ножки, исчезали под застежкой на груди и вновь, как змеи, выползали с другой стороны, соединяя черт знает что черт знает с чем. Их назначение знают только врачи. Он лежал, весь обмякший, на странных подпорках, а рядом виднелся плюшевый заяц.

Я ощущала глупую пустоту и расплакалась только тогда, когда заметила крохотную капельку крови на густом мехе зайца.

К этому времени я была уже в туалете – Мэгги Бичер осталась в переговорной, а Мофф направилась в угловой кабинет. Я не могла даже вспомнить, что сказала каждой из них после того, как открыла сообщение. Я тряслась, сидя на стульчаке в одной из кабинок и издавая дикие, животные стоны.

Почему я плакала по Джеку? Я ведь его вообще не знала. Возможно, оплакивала саму идею его существования. Существования сына Винни с непокорными кудряшками, которому никогда не исполнится семь лет, и чьи футбольные бутсы так и останутся нетронутыми; существования парня, чей диплом об окончании колледжа рассыпался в прах, а день свадьбы растаял, как льдина, и чьи собственные дети тоже умерли сегодня утром в тот момент, когда затих аппарат искусственной вентиляции легких. А может, я оплакивала Винни: ей придется жить днем сегодняшним и завтрашним, и тем, что наступит через неделю, потому что время не испытывает уважения к человеческим трагедиям.

Заливаясь слезами и почти задыхаясь, я поняла, что рыдаю, как раненый зверь. Я старалась выплакать боль и страдания, взбешенная тем, что жизнь могла сделать нечто подобное с тем, кого я люблю, и сбита с толку жестокостью на пустом месте. Несправедливость произошедшего я ощущала, как лезвие ножа, медленно проникающее в мою плоть, – острое, наглое, неотвратимое.

Если я так себя чувствую, то что же испытывают они?

Я еще не знала, как часто мне придется задавать себе этот вопрос в ближайшие месяцы. И не знала, что, хотя больше никогда не буду плакать по Винни и Чарльзу, горе будет со мной каждый день. Что рыдания и удушливые всхлипы в кабинке офисного туалета дадут жизнь ощущению, которое останется со мной на всю жизнь.

Фотография пришла без подписи, и после нее я не получила никакого сообщения. Наверное, Винни не знала, что написать. Я уж точно не знала.

Когда глаза высохли и дыхание выровнялось, напечатала ответ: «Каким красивым он был... Мне невыносимо жаль».

После этого позвонила Нику и приготовилась собрать вещи и отправиться домой. Работа может подождать.

* * *

Когда в тот вечер Ник вернулся с работы, я несколько минут молча обнимала его. И хотя он не был сторонником длительных физических контактов, сегодня мне показалось, что объятия нужны ему так же, как и мне. Когда мы встретились с ним пять лет назад, я сразу опрометчиво подвергла его, мою новую любовь, испытаниям всеми обнимашками, поглаживаниями и похлопываниями, к которым привыкла в своей семье, где тактильные ощущения играли далеко не последнюю роль. Тогда Ник объяснил мне, что, не отрицая подобных проявлений расположения, он не очень понимает, что ему с этим делать. А еще признался, что в некоторых случаях подобные вещи вызывают у него зуд. Я поняла, что для всего этого требуется веская причина, и после этого разговора прижимала его по углам и обцеловывала только в тех случаях, когда чувствовала, что таковая имеется.

Но в день смерти малыша Винни ему так же были необходимы мои успокаивающие объятия, как и мне – его. Шестифутовая фигура Ника склонилась надо мной, непокорные рыжеватые волосы перемешались с моими белокурыми, а голову я инстинктивно положила ему на плечо еще до того, как он успел снять куртку и рюкзак. Ритм моего сердца замедлился, и оно постепенно опустилось из горла, где находилось несколько последних часов, на положенное место в груди. Оно даже коснулось крохотной беспокойной сущности, поселившейся в животе, которая ничего не знала о событиях прошедшего дня, но каким-то образом догадалась, что папочка вернулся домой.

– Боже, Марго, какой ужас! Какой гребаный кошмар! – Ник уселся на ступеньках нашей крутой деревянной лестницы и на мгновение опустил голову на руки. – Ты с ней говорила?

– Нет, – призналась я. – Звонила, но она не берет трубку. Послала несколько сообщений, но... – Мой голос затих, и я оглянулась в поисках яблока, которое ела и оставила на антикварном журнальном столике.

Я уже привыкла, что постоянно что-то ем, но сегодня почувствовала голод лишь за несколько минут до прихода Ника. Вернувшийся аппетит вызвал новую активность сущности, причем такую значительную, что я не могла думать ни о чем другом и с трудом смогла составить ответную фразу.

Кроме того, яблоко играло отвлекающую роль – я могла сосредоточиться на нем, и мои истинные чувства, те, что прятались под скорбью по умершему младенцу и его родителям, были незаметны.

Отвечая на вопрос Ника, я вдруг ясно почувствовала стыд от того, что так и не поговорила со своей лучшей подругой о чудовищном утреннем событии. Для меня это было испытанием нашей дружбы, нашей близости и моей поддержки Винни.

Как глупо, что для меня трагедия Винни вылилась в мысли о том, что она отвергла мое сочувствие... Возможно, ей сейчас просто не до разговоров.

И тем не менее мыслишка о том, что надо было сразу же позвонить, не покидала меня.

В женской дружбе иногда сложно установить равноценный курс обмена эмоциями. Мне часто приходило в голову, что помощь Винни и ее советы нужны мне больше, чем мои ей. Она всегда меня защищала, ухаживала за мной, утешала, когда я была чем-то расстроена, и выслушивала в те годы, когда мы были еще тинейджерами, иногда перебивавшими лишку. Так было всегда, за исключением того ужасного периода в школе, о котором не хочется вспоминать. Шестнадцатилетние часто расходятся, и удивительно, что с нами это произошло всего один раз.

Тогда я думала, что подобные наши отношения объясняются тем, что Винни на пару месяцев старше меня и единственный ребенок в семье, – но, став взрослой, стала задумываться: а вдруг Винни решила держать меня на некоторой дистанции? Вдруг последствия давнишней ссоры оказались более глубокими, чем я предполагала?

И дело здесь не в Нике – его Винни обожала. И не в том, что у нас разные взгляды на мир – мы достигали согласия во всем, начиная с искусства и политики и кончая достоинствами новой прически кого-то из селебрити и телевизионными программами, достойными внимания. И тогда я решила, что Винни просто более закрыта, более уравновешенна и меньше склонна к откровенным разговорам. Не помню, когда в последний раз лучшая подруга переживала кризис, тогда как у меня они в среднем каждую пару месяцев. Преодолеваются кризисы обычно с помощью бутылки красного вина и разбора моих полетов, происходившего в доме Винни, где я сидела на персидском ковре и гладила кошку Хрумку.

Когда мы обе забеременели, наша дружба пережила период возрождения. Мы вели себя как в школе – в период «ДХ», как я для себя его окрестила, «До Хелен», – то есть постоянно обменивались сообщениями по почте в офисе и продолжали в соцсетях дома. Какой мешковатый комбинезон купить, какие витамины пить, а ты читала руководство Имярек по безболезненным схваткам, а они вообще бывают безболезненными?

Я наслаждалась нашей вновь возникшей близостью. Она существовала, когда нам было по двадцать, и исчезла, когда каждая из нас пошла своим путем – Винни рано съехала с Чарльзом, а я долго искала Ника и поэтому проводила свои дни, поздно ложась в постель и еще позже вставая по утрам.

Однако мне хватило ума ничего не сказать Винни о том, что наши отношения поднялись на новую ступеньку. Я достаточно хорошо знала подругу, чтобы предвидеть, что подобное эмоциональное заявление поставит ее в неловкое положение. Много лет назад послала ей поздравительную открытку на помолвку, полную эмоций и телячьих нежностей, – Винни открыла, прочитала и никогда о ней не упоминала.

– Ладно, – сказал Ник, стряхивая заботы прошедшего дня и собираясь подняться наверх, – думаю, мы должны быть готовы, когда им понадобится. И что, никаких ответов на твои послания?

– Один был, – я тщетно постаралась проглотить комок, стоявший в горле, и голос задрожал, когда я вспомнила фото. Ни за что не хотела бы увидеть еще раз это крохотное тело и безжизненное лицо, но понимала, что предаю Винни, видя только ужас произошедшего, преувеличивая его и забывая об очаровательном

малыше, которым трупик был.

– Вот, посмотри, – я протянула телефон Нику, который, увидев фотографию, побледнел.

– Боже, неужели надо было обязательно посылать тебе это? – вырвалось у него.

Я почувствовала себя душой, поняв, что за все время так и не удосужилась дать оценку произошедшему. Весь день смотрела на фото, это изображение навеки отпечаталось в моем мозгу, но мне так и не пришло в голову: Винни послала мне, беременной женщине, образ мертвого ребенка, и в этом есть нечто странное и даже агрессивное. Ну конечно, она ничего такого не имела в виду, просто мы очень близки.

Настолько, что она не отвечает на мои звонки.

– Она моя лучшая подруга, Ник, – тупо повторила я. – И мы делимся всем...

– Бедная Винни, – пробормотал Ник, еще раз притянул меня и поцеловал в макушку. – Такого никому не пожелаешь. Как они со всем этим справятся?

В ту ночь мне снились инкубаторы и аппараты ИВЛ, системы жизнеобеспечения, каталки, детские кровати и смертное ложе. Я лежала на нем и звала на помощь, зная: помощь никогда не придет. А иногда смотрела сверху вниз на Винни, одетую не в стандартные медицинские одежды синего цвета, а в серо-зеленые цвета нашей школьной формы.

У меня есть способность видеть невероятно цветные сны, и с того момента, как узнала про свою беременность, я наблюдала самые реалистичные сны в своей жизни. Между выключением света и звонком будильника мне удавалось посмотреть несколько, причем каждый следующий был ярче и подробнее предыдущего.

В ту неделю, когда я узнала про будущего младенца, мне снилась длинная и очень напряженная беседа с бабушкой, умершей лет десять назад. После рубежа в 12 недель я начала потихоньку делиться новостью с окружающими, а моя психика выдала сон, где я кормлю грудью беленькую и розовощекую

хорошенькую как херувим девочку, лежа на нашей с Ником кровати, и комнату заливают свет, проникающий сквозь жалюзи. Я почти расстроилась, когда пришлось проснуться.

Но сегодняшние сны были темными и какими-то удушливыми. Раз за разом у меня рождались мертвые дети, одетые в крохотные саваны, и я пыталась кормить их, не сразу понимая, что у них нет ртов. Просыпалась с пересохшим ртом, вся в поту и с лицом, залитым слезами, и шла в ванную – раз за разом, – размышляя, спит ли сейчас Винни, может ли она вообще спать и будет ли спать когда-нибудь в будущем.

Если б я только могла с тобой поговорить!

Когда наконец настало утро, утро уик-энда с серыми небесами и обычными хлопотами будущих родителей, Ник, проснувшись, обнаружил мою половину кровати пустой. Я успела вылизать дом сверху донизу, прогуляться, купить еду к завтраку и прочитать газету на экране айпэда. Он поздравил меня с продуктивным началом дня. Ему ни к чему было знать, что в серые утренние часы я успела попрощаться с надеждой, что мой собственный ребенок родится без осложнений, а если это и произойдет, то не проживет дольше пяти лет.

* * *

Неделю спустя состоялось первое занятие на курсах молодых родителей. Я уговорила Ника походить на них, пообещав, что там он встретит будущих отцов, страстно желающих провести предстоящий отпуск по уходу за детьми в приятной компании в каком-нибудь пабе. Надо признаться, сама я тоже недалеко ушла от этого желания.

Две недели назад я с восторгом думала о том, что мне предстоит встретить женщин, живущих недалеко от меня, вместе с которыми я погружусь в восхитительную суматоху, предшествующую материнству. Но когда мы с Ником приехали в дом инструктора, построенный в георгианском стиле[6 - Классический стиль Британии XVIII в., названный по имени королей Георгов I–III.], и присоединились к сидящим в гостиной, у меня было ощущение, что вместе со мной в комнате явилась смертная тень. Я смотрела, как общаются друг с другом другие пары, как они смеются, и чувствовала себя более взрослой и умудренной опытом, потому что знала правду, никогда не сообщаемую беременным: «Не

всегда, знаете ли, все заканчивается благополучно».

Третье поколение людей, зачатых в любви и рожденных в ярко освещенных больничных палатах, не может понять, каким кошмаром и мраком могут обернуться роды. А вот наши предки прекрасно знали, что такое настоящие схватки, когда ребенок не хочет выходить наружу, что кровотечение может продолжаться на протяжении двух недель после рождения младенца, и каково это – лежать вообще без сил и не иметь возможности пошевелиться, хотя рядом плачет от голода новорожденный младенец. В наши дни вас сканируют, проверяют и перепроверяют, чтобы исключить подобные осложнения. Вас колют, интубируют и стимулируют. Но, к сожалению, бывает так, что прошлое не сдается, и современный младенец умирает от, казалось бы, давно и хорошо изученных причин.

– Снаряд не падает дважды в одну и ту же воронку, – заметил Ник, паркуя машину. – Я понимаю, все это непросто, но наш ребенок – не ребенок Винни. Послушай, такое случается крайне редко. – Он взял меня за руку и поцеловал костяшки пальцев. – Ну же, давай встретимся с нашими новыми собутыльниками.

Кошмарное сборище, истинный социальный срез южного Лондона, выбранного нами в качестве места проживания. Здесь можно было встретить рожениц из всех сфер, от ученого мира и рекламы до банковского дела, среднего образования, музыки и всякой журналистики. Объединяло их только одно – животы. Кои гордо демонстрировались обтянутыми трико, поддерживаемыми бандажами и руками и нежно поглаживаемыми их владелицами, а в большинстве случаев и партнерами владелиц.

Мой живот был не так велик, как у некоторых других женщин, но я немедленно ощутила наше родство. Скрипачка София, с пальцами, нервно теребящими прическу, бизнес-аналитик Адель, снявшая кольца с раздувшихся пальцев и отставившая в сторону балетки из-за отекавших ног, бухгалтер Джемма, пиджак которой пока сходил на талии. Все они говорили об одних и тех же болях в спине, кровоточащих деснах, ночных приливах пота и приступах тошноты, – то есть о том, о чем я до сегодняшнего дня говорила только с Винни и считала, что ни с кем больше такого не происходит.

Все они чем-то напоминали коров и пытались устроиться поудобнее на продавленных диванах и на стульях с жесткими спинками. Такие мягкие и

безобидные в своей массивности. Прямая противоположность угловатым нервным созданиям, с которыми я проводила большую часть времени на работе, будь то модели или другие фешен-редакторы. И тут я вспомнила о Мэгги Бичер: она займет мое место, когда подойдет время, что было подтверждено в письме от Мофф накануне.

Решение меня обрадовало – насколько это вообще было возможно в создавшейся ситуации. Мэгги – идеальный вариант. Она не походит на изысканных и слегка нагловатых девиц, которых Мофф обычно набирает в свой офис, – на тех, у кого в резюме уже куча достижений, количество которых напрямую зависит от статуса родителей и школы. Мэгги значительно талантливее любой из них.

Мофф нравились блеск и гламур, которые эти женщины так или иначе протаскивали в жизнь редакции, но я-то знала, что самое главное для нее – свежие идеи и чувство юмора. Настоящая трудяга, талантливый автор и заслуженная феминистка, Мэгги будет настолько благодарна мне за годовую работу, что ей просто не придет в голову интриговать против меня, чтобы сохранить ее. Я вспомнила искренний восторг Мэгги, когда она впервые услышала от меня о вакансии – подобные чувства не исчезают с течением времени.

И вот теперь, стоя перед толпой моих новых знакомых и зная имя человека, который заменит меня в моей прошлой жизни, я ощущала себя более уверенно, чем в последние семь дней. Стала с восторгом замечать едва заметные движения в животе и уже не считала их предвестниками будущих печалей. То, что случилось с Винни, совершенно кошмарно и незаслуженно – но со мной подобного не произойдет.

Когда наступила моя очередь представиться, я улыбнулась и сказала:

– Я Марго Джонс, срок почти восемнадцать недель, и я фешен-редактор в журнале «От».

Она и представить себе не могла, что будет когда-нибудь более счастлива, чем в тот момент, когда отвечала на звонок Эмили Моффатт, предложившей работу в качестве временного заместителя Марго.

Как раз в этом заключается вся прелесть отсутствия партнера – можно признаться самой себе, что лучшие моменты в жизни не обязательно связаны с прогулками рука об руку вдоль пляжа или с изучением любимых глаз. Иногда они бывают связаны с тяжелой работой, необходимость которой никто не отменял, с достижением ощутимых благ, таких как деньги, твоя фамилия на обложке и возможность мысленно поменять гардероб на более дорогой. Конечно, последнее – шутка. До некоторой степени.

– Вы мне действительно понравились на собеседовании, Мэгги, – сообщила ей Моффатт своим хрипловатым голосом с акцентом уроженки Западной Англии. Вначале Мэгги решила, что редактор имеет в виду одежду, и мысленно дала себе слово сказать Кэти, что пиджак сыграл решающую роль, но потом до нее дошло, что Эмили имела в виду ее поведение.

– Вы были полны энтузиазма, были так взволнованы, – шептал ей на ухо мягкий голос. – Слишком много людей в нашей сфере уже пресыщены. Так что было очень приятно поговорить с человеком, который явно не хотел продемонстрировать свою крутизну.

Ну слава богу!

Мэгги действительно никогда и близко не стояла к тому, что свет называл «крутизной», но собеседница ошибалась, если считала, что это ее ничуть не заботит. Волноваться она стала тут же, как только повесила трубку.

Мэгги была в ужасе от того, что, сидя за столом Марго, не сможет оценить утонченную шутку Моффатт, над которой будет смеяться весь офис, что появится более точная, чем она, копия Марго и уберет ее с дороги своим острым анорексичным локотком. Или что приедет в Милан, и какая-нибудь распорядительница с наложенными волосами и планшетом в руках пересадит ее на задний ряд, туда, где ее никто не увидит.

Хотя так далеко заходить не стоит – Мэгги гораздо больше беспокоило то, что в самый первый день в офисе под ней сломается кресло, потому что на него впервые опустится задница, состоящая не из одних только костей. И именно поэтому до выхода на работу она будет ходить в спортзал, есть только салаты и ежедневно пить воду галлонами, чтобы попытаться стать хоть немного похожей на женщин, вид которых так выводил ее из себя.

Конечно, все это она начнет делать прямо с завтрашнего дня, а сейчас отпразднует назначение бокалом вина. А после этого, может быть, выпьет еще один.

– Мы еще поговорим с вами, когда придет время, но сейчас я хотела бы, чтобы вы подумали над какими-то новыми идеями и прислали бы их мне напрямую, – продолжила разговор редактор, не давая вставить слова. – Начинайте писать как можно скорее.

«А вы приведете мою писанину в нужную форму», – подумала Мэгги. Ей надо поработать не только над своим весом, но и над словарем. Будучи не чуждой конструктивной критике, она понимала, что если ее текст подойдет Моффатт, то в дальнейшем она сможет писать для кого угодно. Эта работа – лучшее, что когда-либо случилось в жизни Мэгги Бичер.

После разговора она удалила все приложения для свиданий – ничто не должно отвлекать от дела. Она уже вдоволь выпила с разными мужиками, для которых в результате оказалась недостаточно хорошей, чтобы они навсегда связали с ней свою жизнь. А вот такой шанс, как сегодня, выпадает нечасто. Она полностью погрузится в работу.

Мэгги налила белое вино в единственную чистую емкость на их с Кэти кухне, медленно выпила его, сидя на диване, и крепко задумалась, что бы такое она могла написать для Моффатт. Для Мофф, как все ее называют. А как она узнает, что тоже может ее так называть? Может, редактор подпишет так одно из писем, и тогда будет понятно, что Мэгги тоже принята в члены клуба...

Это могло бы показаться не совсем логичным, но Мэгги решила поискать новые идеи, внимательно изучив все, что было сделано предшественницей, – это могло вызвать прилив крови к ее мозгам. Попивая вино, она просматривала различные блоги и новостные сайты на своем старом и медленном ноутбуке. А ведь

благодаря этой работе появится новый... Мэгги вновь ощутила пьянящее, волнующее порхание бабочек у себя в животе.

Ее мысли бродили между тем, что она может привнести в «От», и тем, что уже привнесла Марго. Введя имя Марго Джонс в поисковик, Мэгги просмотрела результаты. Неудивительно, что появилось множество статей, начиная с сиюминутных заметок, писавшихся, пока модели продолжали ходить по подиуму, и кончая обстоятельными интервью со знаменитостями и дизайнерами, над которыми Марго явно работала по несколько дней, сидя в офисе.

В работах время от времени проскакивало нечто личное. У этой Марго отличное чувство юмора, и, что самое главное, она может посмеяться над собой. Читая написанное коллегой, Мэгги почувствовала, как порхание в животе превратилось в нечто более значительное. Марго знает об этой работе все – как вообще можно соревноваться с ней?

И тогда она сделала то, что постоянно делала в молодости, то, что все ее психоаналитики не советовали делать, и за что она последнее время стала себя штрафовать – небольшой сосуд с монетами стоял на ее прикроватной тумбочке.

Нажав на «Картинки», Мэгги приготовилась честно и безжалостно сравнить себя с женщиной, в присутствии которой слегка нервничала и ощущала свой лишний вес.

Вы, наверное, тоже так делали. Мэгги сравнивала себя с новыми своих бывших, с бывшими своих нынешних, с подругами этих новых и бывших, с их сестрами, закадычными врагинями или приятелями-коллегами – или как там они называются.

Обычно она рассматривала зернистые снимки до тех пор, пока не убеждала себя, что все они красивее, стройнее, богаче, счастливее, умнее и успешнее ее. До тех пор, пока не превращалась в самую одинокую, никому не нужную, уродливую и нудную особу из всех знакомых.

Вот до чего довели нас технологии – теперь в каждой ванной есть весы и зеркало во весь рост, чтобы легче было рассмотреть недостатки и осознать собственное несовершенство. Думаете, наши бабушки пялились на не-цветные фото соседок и чувствовали себя полным дерьмом? Вот и Мэгги не думала.

Человеческая психика – удивительная вещь. Всего через несколько часов после того, как была на седьмом небе от счастья, Мэгги сидит перед экраном, заполненным изображениями женщины, чье место должна занять. Последний психоаналитик назвал бы это «полнейшим пренебрежением чувством собственного достоинства». Мэгги сделала глоток вина и продолжила просмотр фотографий.

Вот Марго переходит улицу в Париже – скорее всего, направляется с одного показа на другой. На ней свитер цвета карамели, байкерская куртка с подпушкой из овечьей шерсти и белые джинсы. Белые джинсы! Мэгги давно отказалась от белых вещей в своем гардеробе, мотивируя себя тем, что пьет слишком много красного вина, а это делает их носку нецелесообразной. Куртка свободно накинута на плечи фешен-редактора – и Мэгги узнает (благодаря поискам в интернете с новой порцией вина), что в фешен-индустрии это называется «нести на плечах».

А вот Марго на открытии бутика в сером брючном костюме и черной водолазке; мешковатые брюки и пиджак надеты только для того, чтобы выглядеть еще стройнее. Мэгги всегда хотела быть той, кто может позволить себе появиться на людях в брючном костюме, но последний раз надевала его на собеседование в Оксфорде (работу так и не получила). Перед этим ей пришлось потратить целый день на ушивание брюк, при этом ширинка переместилась куда-то в район седалища. Брючные костюмы существуют для мужчин, а не для женщин с формами.

На следующей фотографии, обнаруженной Мэгги, Марго неловко сидела на каких-то ступеньках перед объективом, будто ей не хотелось, чтобы ее фотографировали. Фото, должно быть, старое, потому что челка с тех пор стала значительно длиннее, а длинные волосы уже закрывали грудь и доходили почти до пояса. У пушистого серого свитера удлиненные рукава, закрывающие кисти, синяя юбка до колен явно похожа на часть школьной формы, несмотря на бедренный разрез. На ногах туфли «мэри-джейн»[7 - «Мэри-джейн» – туфли с закругленным мыском на ремешке, напоминающие детские или кукольные.] из черной кожи на низком каблучке и черные шерстяные носки почти до колена.

Мэгги пришлось внимательно изучить фото, чтобы убедиться, что это не маскарадный костюм, но подпись под снимком гласила: «Марго Джонс из “От” на Лондонской неделе моды». Прямо за ней располагался логотип дизайнера

показа, после которого фотограф поймал ее в объектив.

Их всегда тьма-тьмущая на всех модных шоу – этих фотографов. Вечно прячутся за углами и толпятся перед входами на показы – охотники, одетые в дорогие водонепроницаемые одежды, ждущие момента, когда можно будет начать клацать затворами цифровых зеркалок, нацеленных на самые интересные, по их мнению, наряды. Фешен-редакторы, занимавшие первые ряды на показах, анализировали тренды на следующий сезон, а папарацци выбирали самые модные тенденции на данный конкретный момент. Каждая вспышка камеры означала достойный внимания наряд, а каждый не сделанный кадр означал полное неприятие ансамбля, тщательнейшим образом приготовленного для выхода.

И не было ничего ужаснее, чем проход к месту перед стадом папарацци, стоящим с равнодушно зачехленными камерами. Мэгги готова была поклясться, что некоторые из них даже провожали неудачников драматическими улыбками и театральными вздохами, чтобы те расстроились еще больше из-за того, что так всех разочаровали. Хотя бывают вещи и пострашнее – когда тебя просят отойти в сторонку, чтобы можно было сделать фото твоего компаньона, а ты не портил вида.

Мэгги всегда думала: чтобы на тебя обратили внимание папарацци, надо искусно украсить себя вещами с дизайнерскими лейблами. Особенно это касалось обязательных в этом сезоне сумок и обуви – ведь тогда журналы могли разместить фото на своих сайтах, как бы говоря: «Вот, мы были правы! Посмотрите на этих красивых людей с вещами, которые мы советовали вам купить в прошлом номере!» Хотя никто за эти вещи не платил, большинство редакторов брали их из корпоративных гардеробных для модных показов, самых гламурных пунктов проката в мире.

Но даже в свои самые лучшие моменты Мэгги никогда не принадлежала к тем, за кем охотились папарацци, к тем, кто мог остановить весь транспорт на улице, позируя среди потока машин или непринужденно болтая по телефону и демонстрируя камерам самые выгодные ракурсы.

Нет, большинство фотографов интересовали не логотипы модных домов и их лейблы, а высокие линии щек, блестящие волосы, большие глаза, пухлые губы. Потому что, если честно, речь шла вовсе не об одежде, а о том, насколько ты красив в действительности. О том, как должны слиться хромосомы, чтобы

появилось такое лицо, о том, насколько удачно твои предки подбирали пару. И если ты достаточно красив, то вполне можешь появиться в потоке транспорта в клоунском наряде, и тебя все равно станут фотографировать.

Именно об этом размышляла Мэгги, глядя на странноватый авангардно-школьный наряд на Марго. И вновь почувствовала панику из-за того, что никогда не сможет быть достойной ее. Мода – вовсе не наряды, а люди, которые их носят; важно, чтобы они были достойны восхищения. И в этот момент ей в голову пришла идея, за которую – она была уверена – Эмили Моффатт обязательно ухватится.

* * *

Мэгги ела ланч, состоявший из авокадо на тосте, на кухне в квартире, которую она снимала вместе с Кэти, когда на экране телефона появилось заветное имя. Письмо она отправила всего несколько часов назад, так что главному редактору, скорее всего, понравилось содержание. Мэгги уже слышала, что если Моффатт на что-то западала, то западала по полной – иногда это выливалось в несколько телефонных звонков, сообщений и писем в течение дня.

– Я в восхищении, – сказала та, не здороваясь, когда Мэгги взяла трубку. – Снимаем на следующей неделе. Свяжу вас с Холли, она приготовит вещи. А текст жду к следующей пятнице.

– Отлично! – Мэгги улыбнулась в телефон. – Очень любезно с вашей стороны. Я так рада, что вам понравилась моя идея!

– Ну... хорошо, – ответила Эмили Моффатт, прерывая излияния Мэгги. – Следующая пятница.

– Восхитительно, – повторила Мэгги и добавила: – Большое спасибо... Мофф.

На другом конце линии собеседница, поколебавшись, издала слабый звук – нечто среднее между кашлем и возгласом удивления, – и телефон отключился.

Фотосессия. Для журнала. Она появится на страницах вместе с манекенщицами, селебрити и светскими львицами. Люди будут открывать номер, как это многие

годы делала сама Мэгги, и интересоваться, кто же такая эта гламурная и, по-видимому, важная особа? А тинейджеры, возможно, будут изучать статью – ведь она сама в возрасте пятнадцати лет вешала на стенах спальни подобные материалы – и решат раз и навсегда, что это именно та работа, которая им нужна, работа, о которой они будут думать и в школе, и в университете, и о которой, получив ее, с гордостью будут рассказывать друзьям и близким.

Результаты своего мозгового штурма Мэгги вчера вкратце набросала в блокноте, допила вино и улеглась с мыслью о том, что утро вечера мудренее. Иногда даже самые лучшие идеи не выдерживают серьезной критики. А ей хотелось быть уверенной, что все сработает.

Вводная часть была очень проста – Мэгги пока еще не фешен-редактор, но должна им стать. А как простому человеку оказаться своим в этом самом модном из миров? Именно об этом Мэгги и собиралась написать в первом материале для «От», и если статья будет честной, то, работая над ней, она, возможно, сможет найти ответ на этот вопрос.

Мэгги подозревала, что Холли, упомянутая Мофф, будет играть не последнюю роль. Будучи стилистом, Холли должна была одевать всех, кто появлялся на страницах журнала, принимая во внимание последние модные тренды и личные вкусы снимавшихся, хотя главным пунктом были распоряжения Мофф. Мэгги знала, что Моффатт захочет, чтобы на снимках она выглядела самой собой, но ее пугала мысль, что она, вся такая неухоженная и всклокоченная, появится на страницах журнала, отданных в большинстве случаев незаслуженно привлекательным знаменитостям.

На экране телефона появилось сообщение: «Вы будете выглядеть великолепно, – говорилось в нем. – С помощью фотошопа».

Да, Эмили Моффатт умела поднять настроение своим сотрудникам.

* * *

В день фотосессии Мэгги уложила волосы и привела в порядок ногти. До этого целую неделю воздерживалась от хлеба, зная, что камера обычно делает людей толще, особенно если они в принципе имеют лишний вес.

– Ни пуха! – крикнула вслед Кэт, когда она выбежала к посланной за ней машине. Водитель вел себя так, будто она была важной птицей – открыл перед ней дверь и показал, где в подлокотнике, обтянутом кожей, хранится минеральная вода.

«Пора привыкать», – подумала Мэгги, а потом вдруг вспомнила, что у всего этого гламура и роскоши есть совершенно конкретный срок – все закончится с возвращением Марго, – и на мгновение вдруг ощутила себя потерянной, хотя приключение только начиналось. Мэгги поняла, что ей будет трудно вернуть все законной хозяйке.

Когда она приехала на студию, все были настолько милы и любезны, что нехорошее ощущение в животе исчезло практически мгновенно. Но Мэгги по жизни была склонна видеть все в мрачном свете, так что по пути она размышляла о том, что вся эта фотосессия – всего лишь заговор с целью ее унижить. Она представляла себе, как все фотографии будут настолько ужасными, что их можно будет использовать только в качестве иллюстрации, как не надо одеваться.

Мэгги уже попадала в ситуации, когда приходилось использовать все свое мужество, чтобы подавить панику. Так что сейчас почти сожалела, что рядом с ней нет друга с глубоким, полным спокойствия голосом, который велел бы ей, уверенно и чуть-чуть с нажимом, успокоиться и перестать нервничать. Хотя ни один из мужчин, с кем она встречалась, никогда так не делал – по крайней мере вежливо и любезно.

Холли оказалась одной из тех женщин, которые, казалось, навсегда остались в 70-х. Длинные прямые волосы каштанового оттенка и челка. Носила она клеши с высоким поясом и сандалии на платформе, а застиранную майку небрежно заправляла в брюки, подчеркивая тонкую, гибкую талию.

Мэгги всегда хотела носить подобные вещи, но в них она бы выглядела так, как будто направляется на ностальгическое мероприятие. Сделала в блокноте короткую запись: у фешен-редакторов размывается граница между стилем и костюмом как таковым.

– Приготовила несколько вариантов, – начала Холли, не дожидаясь, пока Мэгги займет свое место перед зеркалом для макияжа. Последний раз ей делали

профессиональный макияж перед помолвкой сестры – тогда на лице оказался слой косметики толщиной почти в дюйм, который шел трещинами всякий раз, когда она улыбалась. В тот день ею занималась та же женщина, что обеспечивала церемонию цветами. Сегодняшняя визажистка была француженкой с коротко подстриженной светлой челкой, которая должна была свидетельствовать о ее высоком профессионализме. Мэгги решила, что вряд ли она хоть что-то понимает в цветах.

– Мофф довольно подробно объяснила, что ей нужно: повседневный обычный лук, повседневный элегантный, вечерний обычный, а потом – это я люблю больше всего – полная гламорамма[8 - От названия сатирического романа американского писателя Брета Истона Эллиса (1998) о неприглядных сторонах гламурной жизни.], – рассказывая, Холли загибала пальцы.

– Гламорамма? – Мэгги с трудом сглотнула, а визажистка стала наносить ей на лицо основу.

– Да вы не волнуйтесь, – рассмеялась она, демонстрируя идеальные мелкие зубы. – Будете выглядеть потрясно.

Француженка оказалась права. Женщина, чьи фотографии выдала камера, находившаяся во власти мужчины настолько симпатичного и модного, что модель едва отваживалась заговорить с ним во время съемки, была Мэгги абсолютно незнакома. Стройная, сексуальная, ухоженная, дорогая без высокомерия, она излучала уверенность в себе и на экране компьютера, и на раскадровке, хотя во время съемки Мэгги чувствовала себя нелепо. Ей пришлось стоять, положив руку на бедро, подняв подбородок и время от времени делать шаг в сторону объектива, чтобы ее волосы взвивались в унисон со вспышкой.

На финальной фотографии не осталось ничего от неуклюжести, безвкусицы, от незнания, что делать с руками, – Мэгги превратилась в улучшенную копию самое себя, одетую в самые роскошные наряды, которые ей приходилось видеть в жизни. Она выглядела как настоящий фешен-редактор. И весь день притворялась, что является им. А может, уже стала? Вернувшись домой, расположившись на диване и рассматривая наманикюренные ногти и фотографии на экране лэптопа, она действительно ощущала себя настоящим фешен-редактором.

– Жду не дождусь, когда вы приступите, – сказала Холли, пока помощники упаковывали одежду, а Мэгги отклеивала накладные ресницы перед гримерным зеркалом.

И сама Холли, и все члены съемочной группы, шутили, что новенькая прямо родилась фешен-редактором.

– Марго надо быть поосторожнее! – крикнула Холли вслед Мэгги, усаживающейся во второе такси за день.

5

Марго

Я почувствовала укол ревности, когда в офис принесли пачки с копиями нового номера журнала и курьеры разложили их по столам сотрудниц, как карты при сдаче. Я уже видела фото Мэгги, напечатанные в журнале, правила ее текст, чтобы он поместился на нужной странице и больше отвечал стилю «От». Проблема была в том, что он особо не нуждался в правке.

Нельзя было не согласиться с тем, что Мэгги написала отличный текст. Смешной, занимательный, душевный и – необходимый бонус – полезный. Его наши читательницы прочитают первым благодаря анонсу, помещенному мною на обложке: «ПОМОГИТЕ! ХОЧУ СТАТЬ ФЕШЕН-РЕДАКТОРОМ! И НЕМЕДЛЕННО!» Мофф всегда поощряла избыточное использование восклицательных знаков.

И я действительно помогла Мэгги стать фешен-редактором. Я выбрала ее, потому что знала, насколько она талантлива и старательна, надежна и трудолюбива – она реально достойна большего. Я никогда не рассматривала выбор своей замены как благотворительную акцию, но знала, что моя работа имеет определенную ценность, и казалось естественным предложить ее достойному.

Кому-то благодарному, кто сможет вернуть этот долг своей лояльностью.

Мэгги, существовавшая на гонорары от двух-трех публикаций в месяц, показалась мне человеком, растрачивающим свой талант впустую и обладающим большим неиспользуемым потенциалом.

Что ж, теперь Мофф пустит его в дело на всю катушку.

Я подвинула к себе номер, который открылся с обычным приятным шелестом, и нашла страницу, где начиналась статья Мэгги. На первом развороте были размещены несколько ее фотографий, причем на каждой она была одета в разные наряды, отвечающие сиюминутному тренду. Женщины на фото как будто сидели в ряд.

Вот Мэгги в классической юбке и на шпильках – блестящие темные волосы забраны в элегантный шиньон у основания шеи. Вот она в залатанных джинсах и белой блузке, завязанной узлом на животе – зритель поневоле задерживал взгляд на фигуре в форме песочных часов. На правой фотографии она слегка и немного бестолково улыбалась, одетая по последнему писку – нелепый спортивный костюм и кроссовки. Вид у костюма был настолько неприглядный, что сама я, даже не будучи беременной, не рискнула бы в нем позировать. А на Мэгги он выглядел вполне пристойно и даже симпатично.

Я с завистью посмотрела на глубокое декольте – самой мне демонстрировать было нечего, хотя то небольшое, что у меня было, с беременностью слегка набухло. Каждое утро, глядя на себя в зеркало, я понимала, что этому далеко до чего-то волнующего воображение, но могла хотя бы убирать две возвышенности в нормальный бюстгальтер, как мне посоветовала продавщица нижнего белья в прошедший уик-энд.

– Не стоит нижнему белью давить на молочные каналы! – говорила очкастая портниха, занимавшаяся подгонкой на месте, затягивая на мне вполне приличный бюстгальтер телесного цвета, от чего мне хотелось заплакать.

Изменения в нижнем белье (я ведь поменяла ради удобства и кружевные трусы с низкой талией на необъятные хлопковые панталоны) стали еще одним напоминанием о моей беременности, отчего я чувствовала себя явно не в своей тарелке. И каждый раз, задумываясь об этом – скорее на уровне рефлексов, а не сознания, – хотела обсудить все с Винни.

Винни всегда ухаживала за мной, успокаивала и выслушивала меня. Еще со школьной скамьи. В те времена мы казались единым целым – два существа, которые легко могли закончить друг за друга фразу, при этом синхронно покрывая друг другу лаком ногти на левой руке.

Но за три месяца, прошедшие после смерти Джека, я получила от старой подруги только одно сообщение – короткий и нервный ответ на множество моих посланий на тему любви и одиночества: «Прости, не сейчас».

Что не сейчас? Общаться не сейчас? Дружить не сейчас? Или выносить мою беременность?

Со школьной скамьи я знала, что пытаться загнать Винни в угол, когда она требует оставить ее в покое, – верный способ разозлить еще больше. После того, что сделала Хелен. Я не люблю вспоминать то время в школе, когда мы с Винни разошлись – сейчас редко думаем о Хелен, – но тогда я поняла, что единственный способ успокоить разбушевавшуюся Винни – дать ей перебеситься в одиночестве.

Когда на мои послания и звонки так никто и не ответил, я стала размышлять о том, что неплохо было бы неожиданно появиться на пороге Винни (ведь ее дом всего в полчаса ходьбы от моего), но из-за установившегося между нами режима молчания сейчас мне казалось, что до него мили и мили. Кроме того, я знала, что благодарности от Винни за такой поступок не дождусь.

Даже попросила Ника подвезти меня к ее дому, но окна в нем были темны, а подъездная дорожка пуста. До этой поездки я не понимала, что боюсь встречи с подругой, но когда мы развернулись и направились прямо домой, я почувствовала какое-то облегчение. Позже призналась самой себе, что боялась: Винни увидит мой выросший живот и это ее обидит. Я совершенно не представляла себе, как мы сможем говорить о чем-то, не упоминая при этом факт моей беременности. Ведь живот даже обняться толком не даст – он будет круглым и упругим укором, напоминанием о том, чего она лишилась. Прошло уже столько времени с того момента, когда я последний раз испытала на себе раздражение своей лучшей подруги, что совсем забыла о том влиянии, которое она на меня имела. Ну, или почти забыла...

Винни сама придет, когда будет готова. А до тех пор я буду любить ее на расстоянии.

Я посылала ей цветы. Сначала букет, а потом семена, которые должны были превратиться в яркие махровые растения – Винни любила такие на своем дворе. Я надеялась, что они помогут в самые черные дни. Мне показалось, что задача превратить сухие семечки в буйную растительность займет достаточно много времени и окажется такой сложной и благотворной, что сможет украсить месяцы горя чем-то ярким, красивым и полным оптимизма. Я ждала, что подруга покончит со своей отстраненностью и раскроется навстречу окружающему миру, как цветы весной пробивают замерзшую зимнюю почву и тянутся навстречу солнцу.

Теперь же эта идея казалась слишком банальной. Мне надо было бы послать им еду, предложить уборщицу, выполнять их мелкие поручения, помогать с домашними делами. Я бы с удовольствием на коленях отдраила полы в доме Винни, и мой тяжелый живот терся бы об их покрытие, пока я находилась в покаянной позе. Я готова была на все, чтобы хоть как-то избавиться от своеобразного синдрома выжившего[9 - Синдром выжившего – аспект посттравматического стрессового расстройства, вина, появляющаяся у оставшихся в живых после автокатастроф, стихийных бедствий, военных действий и т. п. по отношению к погибшим.], который остро ощущала, просыпаясь каждое утро. Хотя я испытывала его и ночью, в кровавых, полных паники кошмарах, окруженная больничным оборудованием и крохотными трупами.

Мысленно я не расставалась с Винни ни на секунду. И если в данный момент не думала о том, где находится подруга и как справляется со своими проблемами, это означало только, что мысли мои были заняты разного рода предрассудками. Теперь я взбиралась по лестнице, переходила дорогу и садилась на поезд, благодаря Бога за то, что сердце моего ребенка все еще продолжает биться. И радость от того, что он пошевелился в животе, мгновенно сменялась сначала печалью, потом угрызениями совести и, наконец, страхом. Всякий раз, переставая бояться, я ощущала неодобрение Винни, которая должна была считать меня предательницей.

Некоторые женщины, мимо кого я проносила свой живот, смотрели мне в глаза и улыбались – так я узнавала, что у них тоже есть маленькие детки. Другие меня игнорировали и не уступали место в транспорте – все потому, что их радар меня

не фиксировал, я не могла пробыть в их подкасты и стриминги.

И я когда-то вела себя так же. Когда настанет ваше время, пожалеете.

Но была еще одна группа – эти, сжав челюсти, смотрели прямо сквозь меня или рассматривали мой живот, не поднимая глаз на лицо. Когорта «упустивших», «неспособных», в общем, «не смогших». Тех, кто попытался и разбил себе сердце. Одна из таких ходила за мной по супермаркету, не отставая ни на шаг, и наблюдала за моими покупками. Она с неодобрением пощелкала языком, увидев, как я взяла бутылку вина – пришлось в смущении вернуть ее на полку, – и сказала, что будет мальчик.

– И не сомневайтесь, – женщина положила на мой округлившийся живот руку, покрытую пигментными пятнами. – Там у вас маленький мужичок.

Мне бы не обращать на это внимания, как и на любые другие комментарии или разговоры, касавшиеся не меня лично, а моего живота. До того, как я забеременела, мое тело никогда не удостоивалось такого внимания со стороны незнакомых людей, как визуального, так и вербального. Но рука женщины будто обжигала, проклинала, так что я шарахнулась от нее, упершись спиной в полки, – эта никому не нужная внезапная «нежность» погрузила меня в средневековую истерию насчет ведьм с волосами на подбородках.

Постепенно я становилась настоящим параноиком. Однажды, когда днем шла в районе своего дома, показалось, что меня кто-то преследует. Чтобы добраться до дома от автобусной остановки, надо свернуть с главной улицы с ее горящими витринами магазинов и пабов и пройти по нескольким тихим жилым переулкам. Вдоль них растут ухоженные и аккуратно подстриженные живые изгороди, за которыми вполне можно спрятаться, а к каждому дому ведет подъездная дорога, на которую можно забежать в случае необходимости – поэтому естественно, что, услышав позади себя шаги, я не стала оглядываться, и их звук появился и исчез, как легкий порыв ветра.

Но я их точно слышала.

Ник почувствовал во мне напряжение.

– Тебе надо расслабиться, пока это не сказалось на нашем ребенке, – прошептал он мне в затылок однажды ночью. Из-за живота я теперь спала на боку, отвернувшись от него, что делало меня еще более одинокой на фоне ночных кошмаров. – Может, поговорить с кем-нибудь об этом?

Что я могла ему ответить? Что лучшая подруга не хочет со мной общаться? Что я боюсь, как бы она меня не возненавидела? Что я не знаю, что сделала не так? Что ни в чем не виновата? Я помнила, что ощущала нечто подобное в школе, когда мы с Винни прекратили общаться на целых шесть недель. Они оказались самыми тяжелыми в моей жизни.

Ее крик, когда она падала... Шум, с которым упала...

Нет, если это заставит меня все вспомнить, то я не хочу говорить об этом ни с кем.

– Больше всего похоже на какой-то подростковый страх, – сказала я Нику, выключая лампу на прикроватной тумбочке со своей стороны. – Уверена, Винни свяжется со мной, когда будет готова. Кроме того, мне столько всего надо успеть на работе, что нет времени на беспокойство.

Но в офисе появлялось все больше и больше свободного времени. Меня освободили от написания статей, перестали приглашать на совещания и вычеркнули из всех планов редакции – я перестала быть частью круга, который всегда был в поле зрения Мофф. В индустрии, где все гнались за будущими новостями, я превратилась в новость вчерашнюю.

Я вновь посмотрела на журнал и на фото Мэгги в зеленом шелковом платье. Предполагалось, что это подчеркнет ее приверженность к женственности в одежде, в отличие от большинства других фешен-редакторов, «не вылезающих из джинсов и синих свитеров». Эту строчку я восприняла как камешек в свой огород, потому что в той поездке в Исландию, когда мы с Мэгги встретились в первый раз, я действительно не надевала ничего другого. Ник сказал, что я слишком мнительная и что не стоит на этом заикливаться.

Попробовал бы ты сам не заикливаться на ком-то, кто пытается украсть твою суть.

– Мэгги тебе в подметки не годится, – рассуждал Ник, пытаюсь меня успокоить и массируя мне плечи именно так, как я – он это хорошо знал – люблю. Правда, сейчас этот уклон в женственность работал в пользу Мэгги. Для журнала она оказалась глотком свежего воздуха – экзотичным и пикантным.

Мне казалось, что Мэгги торопится занять мое кресло еще до того, как оно освободилось, не говоря уже о том, чтобы просто дать ему остыть. В теплые, уютные утренние мгновения перед звонком будильника, когда сон наиболее крепок, мне снилось, что она заявила в мой кабинет, уселась прямо ко мне на колени, надавив на выпирающий живот, и начала печатать на моем компьютере. И я просыпалась, полная раздражения и подозрений, хотя это было лучше, чем очнуться в холодном поту и слезах после мрачных кошмаров, мучивших меня в значительно более холодные и зловещие предрассветные часы.

Я закрыла журнал, так и не взглянув на собственную небольшую статью в номере.

Дело было вовсе не в статье Мэгги, которая, не отпуская, терзала меня с того самого момента, как я о ней узнала. А в том, что никто не удосужился предупредить меня. Я узнала о статье, услышав в один прекрасный день, как Холли вместе с младшим персоналом обсуждают «фотосессию Мэгги в образе фешен-редактора», и спросив, о чем речь. Какое унижение!

Такое впечатление, что чем больше живот, тем меньше меня замечают. А ведь трудно не заметить.

Теперь, на седьмом месяце, мой налившийся живот, лезущий на нос, первым гордо всплывал в помещение, совсем как русалка на носу корабля. Но одевалась я независимо от него, словно не замечая его наличия, и избегала одежды, которую обычно носят во время беременности – всех этих сарафанов и палантинов. Вместо этого старалась носить то же, что и раньше, только большего размера: рубашки, свободные туники и шелковое полукимоно, которое обычно надевала поверх джинсов и черной футболки. Джинсов было множество – правда, теперь такие, чтобы можно было дотянуть до подмышек. Их я ненавидела больше всего, но они были самой удобной одеждой, что мне довелось носить с тех пор, как я стала фешен-редактором.

Может, Мофф заинтересует статья на эту тему?

Я рассмеялась от мысли, что главный редактор может заинтересоваться чем-то, что хоть на йоту понизит уровень гламура в журнале. Я уже заметила, как она рассматривает мои отекающие ноги во время ежедневных планерок. Однажды я сделала ошибку, надев сандалии с ремешками, и раздуваясь, набрякшая плоть страдала от этих завязок, пока я их просто не сняла. На ногах остались заметные следы, и пришлось целый день прятать их под столом после того, как Мофф, проходя мимо, поцокала языком.

Побольше улыбайся в ответ, чтобы они не считали тебя несчастной старой коровой.

«Привет, Мэгги, – написала я, узнав о фотосессии. – Идея классная! Жду не дожусь, когда смогу прочитать статью!»

Слишком много восклицательных знаков.

И все-таки хотелось избавиться от этого внезапно возникшего чувства, преследовавшего меня днем и ночью. А ведь это было справедливое возмущение тем, как на фоне моего постепенного отхода от дел Мэгги становится все заметнее и заметнее.

В редакции уже думали о следующих номерах, тех, что окажутся в ящиках подписчиков и в киосках уже после того, как родится мой ребенок – если только не умрет, – так что о назначении Мэгги было объявлено официально, и она успела несколько раз появиться в офисе. В качестве контактного был указан мой телефон, а это означало, что по несколько раз в день мне приходилось общаться с пиар-компаниями, жаждущими предложить свои услуги новому обитателю моего кабинета. Я ощущала себя пресс-агентом Мэгги, секретаршей, чья главная задача – создать видимость деятельности в дышащей на ладан компании, то есть моей жизни.

«Ой, спасибо! Это все идея Мофф! – Ответ Мэгги не заставил себя ждать. – Надеюсь, на фото я выгляжу не слишком ужасно!»

Нынче женщины обхаживают друг друга восклицательными знаками.

И только когда в офис принесли упаковку со свежими номерами и я услышала, как Мофф обсуждает статью с одним из своих ухажеров с верхних этажей, до

меня дошло, что Мэгги мне соврала.

– В сегодняшнем номере у нас классная статья нового редактора Мэгги Бичер, о том, как обычная женщина может стать фешен-редактором, – объясняла Мофф собеседнику. – Отличная идея, ее собственная. Похоже, она здесь прекрасно приживется. Будет замещать Марго на время декретного отпуска.

С этими словами Мофф махнула рукой в сторону моего живота, в котором появилось ощущение тошноты, никак не связанное с беременностью.

Почему Мэгги не рассказала мне все честно? От расстройства и справедливого возмущения таким фарисейством у меня на глаза навернулись слезы. Какая подлость! Я превратилась в настоящую карикатуру на беременную: отставшую от жизни, недооцененную, подозрительную и вот теперь, ко всему прочему, публично оскорбленную.

Благодарю покорно! А ведь я привела Мэгги именно для того, чтобы избежать всего этого...

Вечером, рассказывая Нику, я рыдала.

– Похожа на идиотку, которая не знает ничего о том, что происходит в офисе... А спросить никого не могу, потому что примут за ненормальную бабу на сносях, желающую контролировать все и вся...

– Что полностью соответствует действительности, – усмехнулся Ник и погладил меня по руке.

– Соответствует, – согласилась я сквозь слезы. – Но только потому, что они сами сделали меня такой. Из-за всего этого я здорово зла на Мэгги.

– Не стоит, – пытался успокоить меня Ник. – Она не должна была врать – согласен. Но, может, решила, что если сама будет пробивать идею, другим она покажется немного чудной? Мофф тоже должна была сказать тебе об этом – вероятно, просто забыла...

Он был прав, но сам факт вранья со стороны Мэгги мучил меня весь вечер. Да, ее могли переполнять амбиции при мысли о том, какой пост ей предстоит занять, но к чему показная скромность? Сомневаюсь, что все это специально, чтобы разозлить или обмануть меня, хотя часть моего мозга, наименее склонная к толерантности, пыталась направить мои мысли именно в это русло. Приведя гормоны в порядок, я задумалась, не уделяю ли произошедшему слишком много внимания – например, Ника, казалось, совсем не волновало то, что его дизайнерские проекты передут другим на время отцовского отпуска.

Он уходит всего на три недели, и их двое в компании. Вопрос о том, что он вернется на свое место, уже давно решен. Кроме того, его с детства не учили, что доверять нельзя никому.

Впервые я пожалела, что работаю в индустрии, где большинство сотрудников – женщины.

Женщины и геи.

Когорта единомышленников, собравшихся для того, чтобы в пьяные бездетные годы дружить и веселиться в атмосфере, свободной от сексуального соперничества и нудных альфа-самцов, при этом сознательно или не-осознанно плетя заговоры против тех, кого они называли «производителями».

Винни вечно закатывала глаза, выслушивая рассказы о стервозности некоторых моих коллег. Она была умна, но совсем не остра на язык.

Если б она знала, о чем я сейчас думаю, то превратилась бы в разъяренную львицу.

Я представила подругу составляющей список причин, по которым Мэгги предала меня – а в том, что это предательство, я не сомневалась. Список был бы дополнен перечнем резонов, почему в долгосрочной перспективе это не имеет никакого значения.

Эта мысль меня успокоила, но и опечалила, потому что Винни была сейчас так далека. Взяв телефон, я открыла Фейсбук. Когда на экране появилась знакомая бело-синяя заставка, одновременно успокаивающая и раздражающая, я вновь почувствовала вину за то, что все еще не закрыла свой аккаунт, тогда как Ник

сделал это уже давно. Никогда не постила в Фейсбуке ничего личного, но трезво оценивала, как редкие выходы в соцсеть влияют на настроение – я покидала ее смутно раздраженная сама собой и утомленная людьми, встреченными там.

Фейсбук учит презирать.

В последнее время я мало думала о тех, кто сидит в нем безвылазно. Ответив на прошлой неделе на заявку в друзья от Мэгги Бичер, я обнаружила, что она на удивление плодовита. А сейчас просмотрела все последние обновления бывших коллег и моей парикмахерши.

Все это люди, которых я больше не знаю, и люди, которых я так никогда и не узнала. Или те, кого я знаю слишком хорошо, чтобы поддерживать отношения...

Где-то в середине ленты я увидела фото Винни. Это был ее первый «выход в свет» после смерти Джека. Она сидела в самом центре группы из пяти женщин, державшихся за руки или обнимавших друг друга за плечи. Я узнала мать Винни, тетку и двух университетских подружек. Все они были в траурных одеждах, но изображение лучилось теплом от их улыбок, и было видно, что общее горе превратилось в силу, которая поддерживает женщину, сидящую в центре и больше всего нуждающуюся в поддержке.

Сама Винни сидела с горящими глазами, но провалившимися щеками – пухлость, появившаяся во время беременности, исчезла, и вновь стала видна линия скул. Она выглядела одновременно моложе и старше своего возраста; пальцы, сжимавшие букет из розовых анютиных глазок – они что, выросли из купленных мною семян? – смотрелись худыми, покрасневшими и старыми, но кожа была блестящей и чистой.

Тут до меня дошло, что, когда я мысленно «видела» свою подругу в прошедшие три месяца, она представала бледной и измученной, с темными кругами под глазами и неприбранными волосами – ее горе имело физическое воплощение.

Как у героини античной трагедии.

А на фото Винни выглядела так, что, встав за ней в очередь в угловом магазине, вы ни за что не догадались бы, через что ей пришлось пройти.

«Рада, что сегодня я могу вспомнить Джека в присутствии моих самых дорогих и близких. Мы никогда не забудем ни его, ни того, как наши друзья помогали нам в эти последние несколько месяцев», – гласила подпись под картинкой.

Скорее всего, поминки или что-то вроде того. Должно быть, Винни и Чарльз откладывали полноценные мероприятия до тех пор, пока у них не появятся силы вновь выйти на люди. Скромная церемония, а затем возвращение в окружающую действительность с вечной памятью о короткой жизни Джека, о факте его появления на свет. Я достаточно хорошо знала Винни, и мне доводилось видеть, как она справляется с душевными травмами, чтобы понять: она ни за что не стала бы общаться с людьми, если бы рана была свежа и ныла.

Нам с Ником ничего не сообщили, не удосужились пригласить. И пока я судорожно проверяла почтовый ящик, корзину, куда автоматически направлялся весь спам, и то место в холле, куда уборщица обычно складывала почту, чуть не задохнулась. Показалось, что я испытала сильнейший удар, доставши до самых глубин существа.

Винни ничего не сообщила, потому что не хотела меня видеть.

Я была полностью опустошена. Но слезы разочарования уже успели испариться, и глаза мои оставались совершенно сухими. Вместо слез я ощутила холодную ярость, когда в праведном гневе напряглись все мышцы тела. Руки невольно потянулись к животу, где их встретила новая жизнь – локтем или худеньким задиком.

Зато у меня есть ты.

– Мне очень жаль, – ухмыльнулся Ник, когда я показала ему. – Это... ну, очень печально. Печально, что она не хочет нас видеть. Должно быть, слишком много пережила.

Он обнял меня и прижал к себе. Я была благодарна ему за понимание, за то, что он не стал говорить, будто все это превратилось в некое подобие противостояния школьных подружек, в классическое создание военных союзов на игровой площадке, чтобы показать, кто главнее, – и из-за этого вновь стала испуганным ребенком. Испуганным от того, что я больше никому не нужна, совсем как много лет назад.

И я постаралась успокоить этого испуганного ребенка, напомнив себе, что горе – громадное чувство, от него никуда не убежишь и никак не избавишься. Я попыталась пожалеть Винни, а не злиться на нее за подобный от ворот поворот, намек, что я сделала что-то не так.

Знаю, дело вовсе не во мне.

Я вновь посмотрела на снимок – так сильно сжимала телефон, что на корпусе появились влажные отпечатки – и закрыла страницу, прежде чем поддаться соблазну искать новые снимки.

Так и свихнуться недолго.

6

Мэгги

Ну что ж... Она предвидела, что после появления статьи в новом номере будет некая реакция: парочка посланий от друзей, несколько сообщений от одноклассников, которые перешлет ей Ма, – но такого ажиотажа никак не ожидала. Еще никогда она не была так востребована! Мэгги ощущала себя самой популярной девочкой в школе.

Сначала букеты. Пять или шесть громадных букетов доставили в офис от различных пиар-агентств с поздравлениями по поводу занятия места Марго и восторгами по поводу статьи. Белые розы, зеленоватые гортензии, орхидеи кремового цвета с розовыми пятнышками – самые модные цветы. Букеты были точно такими же, какие обычно можно увидеть в интерьерах на фотографиях в светских журналах, и созданы они были флористами бутиков Мейфэра[10 - Мейфэр – один из самых фешенебельных районов в центральном Лондоне.], которых все знали только по фамилиям. Такие букеты ставят в вазы на мраморных столиках и меняют каждую неделю. Не меньше 150 фунтов каждый.

А потом на почту обрушился бесконечный поток посланий от разных людей, продолжавшийся в течение почти недели после того, как журнал появился в

продаже. Ближайшие друзья ждали эту публикацию, и в своих письмах говорили в основном о том, как классно Мэгги выглядит (еще бы!), и о том, как здорово видеть ее на страницах журнала. Но были и сообщения от людей, которых она не видела многие годы, – «бывших», школьных друзей, старых собутыльников. И это не считая множества «вы только посмотрите на нее!» в Фейсбуке от людей, встреченных на каких-то приемах, мужчин, с кем когда-то флиртовала, и тех знакомых, что в общем-то не очень нравятся, но кажутся достаточно интересными, чтобы нажать кнопку «принять», когда получаешь от них запрос на добавление в друзья.

Мэгги разместила в Фейсбуке пару фотографий со ссылкой на основной материал. Хотя «От» и печатное издание, но информацию необходимо распространять и цифровым способом. Ведь теперь люди ищут всё именно в Сети, а Мэгги была адептом самопродвижения. Ведь это часть ее работы, не так ли? Хотя, познакомившись с Марго, она заметила, что фешен-редакторы обычно довольно сдержанны во всем, что касается цифровых изданий. Некоторые считают, что слишком хороши для соцсетей, но рано или поздно им придется обратить внимание и на эту сторону медиа.

Мэгги разместила новость и в Твиттере, и теперь наблюдала, как подписчики делают ретвиты и распространяют информацию. Читателей у нее было не так много, но те, что имелись, действительно интересовались ее творчеством. Мэгги пока еще не успела поменять свой профиль в Твиттере с журналиста-фрилансера на исполняющего обязанности фешен-редактора журнала «От». Она сделала это сейчас, хихикая и чувствуя, как сердце в груди сжимается от гордости. Заодно поменяла и почтовый адрес на своей главной странице.

После этого наступил черед неизвестных почитателей. Телефон круглые сутки гудел от писем, присылаемых людьми, коих она ни разу в жизни не встречала. Они связывались с ней не только для того, чтобы сказать, как им понравилась статья, но и чтобы сообщить, насколько здорово она выглядит на фотографиях. Естественно, все это немного доставало и пугало, но само внимание льстило, да никто и не писал чего-то слишком уж... Кроме того, отказ от свиданий Мэгги перенесла тяжелее, чем рассчитывала, – совместная выпивка с кем-то хорошим, плохим, злым, уродливым или просто никаким является, в конце концов, одной из основных форм человеческого общения. И, отказавшись от нее, она сократила круг общения приблизительно на две трети.

А дальше двинулась индустрия моды – началось с тонкого ручейка, а потом превратилось в настоящий потоп. Несколько редакторов, заказывавших ей фриланс-материалы, поприветствовали и поздравили с успехом. Теперь, в новом сезоне, на показах она будет сидеть рядом с ними, а не на три ряда дальше: причина стать дружелюбными. Некоторые фотографы и стилисты хотели показать портфолио: вдруг ей понравится настолько, что она захочет пригласить их на съемку в «От».

Но в основном связывались представители пиар-агентств – те, кто увидел публикацию и сообразил, что Мэгги Бичер – тот человек, с помощью кого бренды могут попасть в журнал. Они приглашали ее на завтраки, ланчи, коктейли, чаепития и так далее... Мэгги удивило, что никто не предложил провести с ней ночь.

А еще они приглашали посетить их салоны, чтобы «побаловать себя», отполировать ногти и «просто поболтать», а также уложить волосы – все это, разумеется, за счет заведения. Мэгги воспользовалась столькими предложениями, сколькими смогла, – ведь ей надо было привести себя в порядок перед официальным стартом на следующей неделе. В конце концов, в офисе нужно выглядеть не хуже других.

Холли отвезла цветы к ней домой, погрузив на мотоцикл, как заправский доставщик пиццы. Мэгги извлекла на свет божий несколько ваз, имевшихся у них с Кэт, и вместе с Холли расставила букеты на пластмассовом журнальном столике из «ИКЕА», на разделочной поверхности буфета и на барной стойке. Мэгги чувствовала настоящие угрызения совести, когда ей приходилось потрошить некоторые букеты, чтобы расставить цветы в пинтовые стаканы, увезенные из ближайшего бара. Она была абсолютно уверена, что не такого будущего желали для своих произведений мейфэрские флористы, когда компоновали толстые стебли именно так, а не иначе, и перевязывали их шелковой лентой.

– Черт побери, кто умер?! – воскликнула Кэт, возвратившись с работы и рассматривая все это великолепие. И хотя они были действительно прекрасны, но такое количество цветочных композиций в крохотной квартирке превращало гостиную в реальное подобие часовни. – Кажется, твоя новая работа нравится мне не меньше, чем тебе. Надо будет привыкать.

«И мне, и мне тоже», – подумала Мэгги. Более того, ее интересовало, смогла ли привыкнуть Марго. Принимала ли уходящая редактор всю эту роскошь, мишуру, все эти чрезмерные проявления благорасположения и цветы в количествах, достойных крематория, как должное, или она все еще радовалась, как дитя, когда их доставляли ей домой? Действительно ли Марго – не напоказ, а глубоко внутри – бывала так же взволнована всем этим, как и Мэгги? Эта работа, наверное, самая лучшая в мире.

Мэгги подумала, что никогда не устанет от вида тяжелых бутонов, кивающих со стеблей, когда их передает курьер. Кто, черт побери, она такая, чтобы заслужить такое? Ей никогда не наскучит открывать плотные конверты из веленовой бумаги и извлекать написанные каллиграфическим почерком приглашения в самые изысканные места Лондона. Ее там ждут, подумать только!

Что там говорила Мофф? «Многие пресыщены»? Ну нет, уж она-то никогда не пресытится такими вещами.

* * *

Мофф. Мэгги вновь пришлось столкнуться с ней на утренней планерке в свой первый день в офисе. После успеха статьи и увлечения главного редактора ее идеей она думала, что между ними уже установилась какая-то связь, но Мофф поприветствовала ее так, как приветствуют любого новичка – мимолетной улыбкой, коротким взмахом руки и едва заметным прищуром. Казалось, она хочет рассмотреть нечто, расположенное очень далеко, продолжая разговаривать с художественным редактором.

Может, ее вид недостаточно элегантен, беспокоилась Мэгги, или наоборот – слишком элегантен? Волосы ей уложили накануне, после кофе с некоей Розой, что отвечает за бренд сверхгибкой обуви. Сама идея не так уж плоха – вытащить из сумочки пару без каблуков, когда шпильки начнут донимать, – но и не так уж велика. Мэгги попыталась представить себе выражение лица Мофф, когда она предложит ей сделать статью на эту тему, что заставило ее одновременно и засмеяться, и вздрогнуть.

Сегодня она была одета в новое платье-рубашку, которое получила от женщины, связавшейся с ней для того, чтобы рассказать про свой бутик. Юбка, рукава три

четверти, цветочный принт и застежка спереди до самого низа. При этом юбка слегка ниже колен. На ногах испытанные расшитые балетки. По реакции Мофф Мэгги так и не смогла понять, не лучше ли было надеть высокие каблуки.

Новенькая как раз шла, опустив голову и глядя себе под ноги, из углового офиса к столу, который утром показала Марго, когда кто-то позвал ее.

– Мэгги, – Мофф не стала повышать голос, и он был едва слышен на фоне скрипа мебели и обычной офисной болтовни. – Вас я попрошу остаться.

Мэгги остановилась и повернулась лицом к новому боссу, в то время как остальные вышли из комнаты, и последний осторожно прикрыл за собой дверь. Мэгги чувствовала биение пульса в висках, во рту пересохло, а в записной книжке не было ни одной интересной идеи. Правда, вертелась пара мыслей, которые можно было бы превратить во что-то дельное, если Мофф задержала ее именно поэтому...

– Не хотелось бы выглядеть слишком авторитарной, – продолжила главный редактор, постукивая по столу ногтем, покрытым коричневым лаком, – но как вы называли меня по телефону?

Боже, неужели она сделала что-то не то, заканчивая разговор? Что же она сказала? И что Мофф услышала?

Черт бы побрал твой язык без костей, Мэгги!

– Я знаю, что там, – тут главная указала на офис, расположенный за матовыми стеклами двери в ее кабинет, – девочки называют меня Мофф. – Она поджала губы. – Но неужели вы думаете, что точно так же они называют меня в лицо?

Мэгги почувствовала, что от стыда заливается румянцем – он начался с мочек ушей и быстро распространился на щеки и область декольте. Ладони вспотели. Конечно, они не называют Эмили Моффатт – Эмили Моффатт с ее шофером, дизайнерскими сумками, семисантиметровыми шпильками и с этой ее знаменитой ледяной отстраненностью – так прямо в лицо. Конечно, нет! Мэгги захотелось умереть.

– Мне очень...

Главный редактор рассмеялась. Это был не глубокий горловой смех, а скорее подрагивание плеч, сопровождаемое хрипловатым урчанием.

– Не извиняйтесь, – сказала Мофф, восстановив дыхание. – Если б материал был не столь хорош, я рассердилась бы гораздо больше. Материал мне понравился. Вы – тоже. Но больше так не делайте.

Ее внимание переключилось на экран телефона, и на лице появилось обычное внимательное и в то же время агрессивное выражение. О Мэгги она уже забыла.

Новенькая то ли шагом, то ли бегом вернулась к своему столу, стоявшему рядом со столом Марго. Так они должны были сидеть до тех пор, пока уходящий редактор не покинет свое место, которое тогда займет Мэгги. Ее совсем было скрючило от потрясения, но при этом она полуплакала-полусмеялась и вся светилась от какой-то гордости за то, что ей удалось растопить Снежную королеву – та даже изволила рассмеяться.

Марго вопросительно посмотрела на Мэгги, когда та плюхнулась на свой стул, который от этого покатился на колесиках. От этого новенькая развеселилась еще больше. Она рассказала Марго о том, что только что произошло, рассказала в лицах, показав свой испуг, когда она поняла ошибку, и шок от осознания, что это вызвало у Мофф просто смех.

Пока Марго внимательно ее слушала, лицо ее тоже не оставалось безразличным: на нем, сменяя друг друга, появлялись выражения заинтересованности, недоумения и, наконец, в самом конце – полного ужаса. После этого мнения женщин относительно случившегося, очевидно, разошлись. Мэгги окончила свой рассказ с улыбкой, а на лице Марго осталось выражение абсолютной досады.

– Да ладно тебе, все в порядке! – успокоила ее Мэгги. – Она вовсе не злилась! Ей это показалось смешным!

– Ха-ха, это ты так думаешь. – Лицо Марго расслабилось, и она повернулась к экрану, на котором Мэгги, пока Марго не свернула страницу, мельком увидела голубой значок Фейсбука. – Однако!..

«Ее вовсе не волнует, что я могла влипнуть, – неожиданно поняла Мэгги. – А волнует, что этого не произошло».

Через несколько мгновений Марго уже весело смеялась вместе с ней, но за это краткое время новенькая поняла: фешен-редактор ее... ревнует. Этого Мэгги никак не ожидала. Она думала, что предшественнице абсолютно плевать. И тот факт, что она явно смогла проникнуть под эту идеальную сияющую кожу, оказался для нее на удивление приятным.

Ее заинтриговало поведение Марго Джонс в ее естественном окружении, то есть в офисе «От». Когда Мэгги встретила ее впервые, ту окружала аура очарования, а позже Мэгги поняла, что Марго обладает неким едва заметным, но стальным стержнем внутри. Так что, придя в редакцию, Мэгги рассчитывала увидеть, как сотрудницы практически преклоняются перед ней. В конце концов, Марго – их редактор: красивая, успешная, а сейчас еще и выглядит как живое воплощение здоровой и благословенной беременности, этакая нимфа Ренессанса. Все то, чем каждая хотела стать, разве нет?

Но, к большому удивлению Мэгги, Марго в офисе оставалась одинока, и у нее, казалось, не было ни врагов, ни союзников. В тот день, когда появилась Мэгги, остальные работники как бы отошли от Марго, и было видно, как неловко она себя чувствует, обсуждая с некоторыми рабочие вопросы. Может, это было связано с тем, что перед декретным отпуском она уже расслабилась – уже не производила впечатления нервной особы, как во время той поездки по Исландии. Ее можно было назвать задумчивой, но никак не замкнутой и вовсе не интровертом.

Еще днем они договорились встретиться с одним из пиарщиков, приславших цветы. В свои расписания занесли эту встречу как «передачу дел», но в ней не будет ничего официального, предупредила Марго. Пенни – многолетняя хорошая подруга, поэтому это просто возможность познакомиться ее с Мэгги за парой коктейлей. Мэгги не возражала. Они закончили работу в пять часов, и водитель Мофф подвез их к бару, пока последняя сидела на каком-то совещании.

По дороге Мэгги пришло в голову, что в индустрии моды важно все время вести себя так, как будто ты селебрити или, на худой конец, младший отпрыск королевской семьи – тогда и другие станут вести себя с тобой соответственно. Кто же еще будет встречаться в «Вулзли»[11 - Знаменитый ресторан в Мейфэре.] во вторник в пять пятнадцать, чтобы выпить, кроме человека, у которого куча

денег и никаких забот?

Впрочем, люди редко имеют столько денег, сколько им хотелось бы. Так что все образчики подобного образа жизни, что Мэгги приходилось наблюдать, оплачивались спонсорами. И именно поэтому все немного перебарщивали с излишней помпезностью и великолепием, с патрицианской привычкой ничему не удивляться, с ментальностью «ничто не ново под луной». Потому что, насколько это понимала Мэгги, показывать свое восхищение – и это касается абсолютно всего, что его достойно, – в повседневной жизни неприлично и автоматически относит вас к людям признательным, то есть некрутым и (шепотом) бедным. В модных кругах бедность под абсолютным запретом.

До этого Мэгги бывала в «Вулзли» лишь однажды, на пятидесятилетие матери, но по тому, с какой спокойной уверенностью Марго обсуждала с метрдотелем лучший столик не слишком далеко от туалетов, она поняла, что редакторша была здесь постоянным посетителем. А еще сообразила по отношению официантов и одобрительным взглядам посетителей, провожавшим несущую обтянутый шелком животик Марго, что она здесь своя.

«Интересно, стану ли я своей?» – подумала Мэгги.

Марго прошла по залу с высокими потолками, ничего не замечая вокруг. А ее будущая замена со своего места на кожаном диванчике, как дремучая деревенщина, во все глаза рассматривала мрамор с прожилками, дорические колонны, черные лакированные поверхности, контуры скульптур, прически, жакеты от «Шанель» и следы подтяжек на лицах. Немного застенчиво Мэгги подняла телефон и сделала селфи на фоне выдержанного в золотом цвете безразмерного бара, постаравшись придать лицу выражение «неужели это я?».

Она успела скинуть фото в Твиттер и убрать телефон, когда в кабинке появилась загорелая и очень стройная женщина.

– Мэгги! – произнесла она чуть хриловатым голосом. – Меня зовут Пенни. Давайте-ка выпьем, не возражаете?

Она забросила наращенные волосы на одно плечо, позвала официанта и заказала бутылку шампанского – и все это прежде, чем Мэгги успела с ней поздороваться.

Теперь, находясь дома и постепенно трезвея, Мэгги стала понимать причину недовольства Марго. Она и Пенни искренне старались включить беременную в свою компанию, но та не пила, а они, напротив, очень серьезно подошли к этому делу. Встреча в принципе превратилась в некое подобие попойки. Кроме того, Марго замужем, а Мэгги и Пенни по полной одиноки.

Мэгги не часто приходилось встречать девушек на выданье, искавших бы вторую половинку так же долго, как она сама, а у Пенни за плечами уже был неудачный брак и тысячи потрясающе неудачных свиданий, о которых она была готова рассказывать во всех подробностях. Короче, обе мгновенно слились в экстазе. Мэгги рассказала о своем отказе от свиданий, а Пенни пообещала вытащить ее на ночную тусовку. Сказала, что все самые роскошные бренды обеспечат их одеждой, и они порвут этот город. Тут она заказала еще бутылку.

Марго почти совсем не принимала участия в разговоре, хоть и смеялась вместе с ними. А еще она вела себя так, будто в душе тоже оставалась завзятой холостячкой.

«Хотя это мало кого может обмануть, принимая во внимание арбуз под платьем», – подумала Мэгги.

Да уж, решила для себя она, дело вовсе не в семейном положении, а в беременности фешен-редактора. А началось все достаточно безобидно – они стали расспрашивать Марго, что она ощущает, нося внутри живое существо. Наверное, когда оно двигается, это довольно странное ощущение, предположила Мэгги. Что-то вроде «Вторжения похитителей тел»[12 - Четырежды экранизированный в Голливуде роман американского писателя Дж. Финнея (1955); две экранизации стали культовыми. Сюжет рассказывает о замещении людей дубликатами, выращенными из непонятных растений.].

Услышав это, Марго рассмеялась.

– Вначале – действительно что-то вроде этого. По правде говоря, в первый раз было худо... – говоря это, она выглядела немного глуповато. – А потом привыкаешь. Теперь я могу сказать, когда он спит и когда бодрствует. Иногда даже икает.

И опять, слегка протрезвев и глядя на все это как бы со стороны, Мэгги поняла, что они с Пенни должны были отнестись к этому рассказу как к чему-то невероятно милому. Но, прикончив несколько бокалов, восприняли этот факт как крайне неприятный.

– Фуууу, – сказала Мэгги. – Мне кажется, когда сама икаешь без остановки, это и то противно.

– Как будто едешь в ночном автобусе, а сзади сидит алкаш! – радостно подхватила Пенни.

– С отрыжкой и рвотой то же самое! – Тут они обе согнулись от смеха. Наверное, это непочтительно по отношению к беременной женщине, но обеим так понравились собственные шутки, что они совсем не задумались над тем, насколько бесцеремонными они могли показаться Марго.

А фешен-редактор натянуто улыбнулась и заговорила о том, что ей пора домой. Когда она с трудом поднялась с диванчика, Пенни сказала, что ей надо в туалет, и Мэгги увидела, как Марго внимательно осмотрела осиную талию пиарщицы, затянутую в узкое платье. И заметила на лице редакторши то же раздраженное выражение, которое мелькнуло, когда она общалась с Мэгги чуть раньше.

Когда Марго ушла, Мэгги в ожидании Пенни решила проверить телефон. И увидела комментарии к селфи.

Maggie_B @itsmaggiebetches: Сегодня в «Вулзли» ощущаю себя очень стильно.

Jenna Smith @hiheelshun: Круто! Наслаждайся.

Amy Carroll @acl: не забудь зайти в туалет – та-ак круто!

Mark Stanley @markie: Эта новая работа тебе идет!

Fashion Bot @fashionbot: Нажмите, чтобы получить последние предложения дизайнеров.

Cocktail Guy @sexpest89: Классные сиськи.

Helen Knows @HelenKnows: А что, от @hautemargot наконец избавились? Слава богу! Вы выглядите гораздо интереснее.

Здрасьте, приехали!

7

Марго

И опять кто-то шел за мной, когда я вышла из бара. Идя к такси, я слышала все те же настойчивые шаги, которые слышала каждый вечер, возвращаясь домой. На этот раз в этом тихом переулке они звучали прямо у меня за спиной, и было впечатление, что идущий сейчас наступит мне на ногу.

Я готовилась резко обернуться, когда какой-то пьянчуга в рубашке с короткими рукавами, весь дрожащий от холода, оттолкнул меня в сторону, чтобы первым забраться в стоящее передо мной такси.

Водитель лениво отмахнулся от него.

– Она первая, приятель, так что отвали, – сказал он, и я почувствовала благодарность за то, что он встал на мою сторону.

Сидя на заднем сиденье, я увеличила фотоаватарку на экране моего телефона. На ней была незнакомая женщина в безразмерных очках из магазина приколов, закрывавших почти все ее лицо. Стоя на фоне сада, эта женщина держала в руках банку пива. Что она о себе думает? И почему, черт побери, ее волнует, кто теперь фешен-редактор в «От»?

Всю ночь я мучилась от негодования, которое ощутила накануне вечером из-за того, что меня игнорировали, относились покровительственно, надо мной подшучивали, и в конце концов усилиями Мэгги и Пенни я превратилась в ничтожество, не стоящее внимания. Я еще могла бы понять Винни, державшую

меня на расстоянии после произошедшего, хотя меня возмущало ощущение постоянного беспокойства и чувство вины, ставшие из-за этого неотъемлемой частью моей беременности. Я понимала, хотя мне и было больно, почему Винни не хотела видеть меня с моим животом рядом с собой, когда она прощалась с сыном.

Но вот эта троллиха в Твиттере злая и меры не знает. Почему троллит меня? Почему так целенаправленно? Мы с Винни сотни раз обсуждали у нее на кухне, как трудно нам будет передать контроль над нашими карьерами, созданными практически из ничего, в руки кого-то другого. Мы говорили и о том, что желание сохранить за собой карьеру заставит нас желать нашим заменам скорейшего и грандиознейшего провала, и о том, что придется обуздать наши худшие инстинкты, чтобы окончательно не ожесточиться, пока мы будем в отпуске по уходу за малышами.

Винни отлично знает, на что надавить.

Мысль, пришедшая мне в голову, прежде чем я успела увернуться от нее, показалась абсурдной даже для меня в моем состоянии.

Хелен тоже знает.

Но это же невозможно.

А дальше на странице троллихи в Твиттере был размещен длинный перечень различных советов женщинам, опубликованных в медиа, – их давали колумнисты и ведущие ТВ-программ с гораздо более высокими рейтингами, чем у меня, и все эти советы были подобраны с таким расчетом, чтобы вывести меня из себя и побольнее ранить. Размещались они задолго до того, как стало известно о беременности Винни. Мне пришлось признать, что моя умная, эрудированная и общительная подруга вряд ли будет тратить на такую ерунду свободное время, если оно у нее вообще есть.

На следующее утро я проснулась от твита, пришедшего с аккаунта Мэгги:

Maggie_B @itsmaggiebetches: Не стоит грубить, @HelenKnows, – великолепная @hautemargot ушла в декретный отпуск, а я просто грею для нее место.

Хотя бы за это ее можно поблагодарить.

Меня испугало, как легко и быстро я стала подозревать лучшую подругу в том, что троллихой была именно она. Сейчас, на свежую голову, это казалось мне детской попыткой отвлечься от проблем. Троллихой явно была одинокая деклассированная женщина с кучей комплексов. Уничтожение достоинства и преуменьшение успехов жертв с помощью нажатия на невинно выглядящую кнопку, изображающую речевое облачко, является ее специальностью – и когда она увидела в профиле Мэгги, что та стала исполняющей обязанности фешен-редактора, оставалось только найти в «Гугле» информацию о ее предшественнице.

Я забыла о ней сразу же, как только открыла свой аккаунт в Фейсбуке – теперь делала это регулярно, чтобы читать обновления Винни. Их было не так много – иногда просто духоподъемное эмодзи, – но они мне нравились, и я, как религиозный фанатик, отвечала на них целой строчкой поцелуев, чтобы показать школьной подруге, что все еще существую и готова в нужный момент подставить плечо. Хотя вряд ли у Винни могли быть сомнения на этот счет – ведь я продолжала посылать ей письменные и голосовые сообщения, которые так и оставались без ответа.

Винни разместила простую картинку – натюрморт со старым деревянным письменным столом, стоявшим в эркере ее кабинета, – на нем, поверх абсолютно нового блокнота в кожаном переплете, лежала перьевая ручка, а рядом размещался браслет из розового золота с подвесками. Буквы на подвесках складывались в имя «Джек».

«Оберег для Джека, а блокнот и ручка для меня, чтобы я могла разобраться в своих ощущениях, – было написано в посте. – Животворные подарки, полученные от Сюзи и Лидии, лучших подруг, о которых можно только мечтать, женщин, благодаря которым мое сердце билось в последние месяцы».

Имена университетских подруг. Я встречалась с ними несколько раз, но Винни старалась никогда не смешивать друзей из разных кругов. Об этих подругах она

говорила мне, что они «норм», но мне будет с ними скучно, что само по себе звучало странно, потому что во время наших встреч они показались мне девушками веселыми и заводными.

А не слишком ли это мелко, Вин, мать твою?

Я ничего не могла с собой поделать, хотя и понимала, в кого эта мелькнувшая мысль меня превращает. Ведь именно этого Винни и ждет от меня – чтобы я взяла на себя отрицательную роль. И уже не в первый раз. Вырастила свое горе из чужого... И это тоже не в первый раз.

Я поняла, что пост не столько о том, что Винни собирается делать дальше, сколько о том, что она хочет высказать свою точку зрения. Я ведь отлично знаю, что Винни сказала бы об этих подарках – если б Джек не умер, по крайней мере. В школе мы, бывало, говорили: «Отстой с тремя “й”». В нашем лексиконе это означало «полнейшую хрень». Использовать фразу мы перестали после того, как появилась Хелен, поскольку оказалось, что очень многое из того, что нравилось Хелен, было отстоем с тремя «й». Но Винни бы с этим не согласилась.

Нет, в действительности подруга хотела сказать этим постом следующее: «Ты не помогла мне в самые мрачные дни. Тебя не было рядом. Не очень-то и хотелось – но ты помучься угрызениями совести».

Я вспомнила, как когда-то умоляла Винни не делать того, что – и это было ей хорошо известно – навсегда изменит наши жизни. Но отогнала от себя воспоминание.

Это была не моя вина.

Я знала, что пять месяцев тяжелого, зловещего молчания со стороны Винни и то, что мне приходилось мучительно наблюдать за ней с расстояния социальной сети, превратили меня в параноика. Подготовка к передаче дел, появление Мэгги, изменения в теле, недостаток сна и ждущие впереди колоссальные перемены тоже сыграли немалую роль. Я физически ощущала страх и тревогу – в морщинах на лбу, в сжатых зубах, в опущенных плечах. Напряжение превращало меня в натянутую струну.

По идее, это должен быть самый волнительный период моей жизни – последние недели перед появлением на свет первого ребенка, – но они были омрачены злыми шутками подсознания. В снах я поднималась по бесконечным лестницам, чьи вершины скрывались в облаках. И я знала, что там находится мой родившийся ребенок, хотя при этом видела, что тащу по лестнице живот. Периодически спотыкалась – тело делало меня неповоротливой, – но ни разу не упала. Я скорее чувствовала, чем видела, что внизу находятся люди – толпа, стоящая с открытыми ртами, – и просыпалась в полном изнеможении.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Первая часть выражения «от-кутю» (фр. «haute couture»), «высокая мода»; само по себе может означать «вершина», «сливки», «элита», «лучшее из лучшего» и пр.

2

«Дьявол носит “Прада”» – фильм 2006 г., рассказывающий о девушке, которая делает карьеру в модном журнале «Подиум».

3

Жаклин Ли Бувье Кеннеди Онассис (1929–1994) – вдова президента США Дж. Ф. Кеннеди и греческого миллиардера А. Онассиса, в свое время заметная фигура в мире высокой моды.

4

Лоферы – туфли, напоминающие мокасины на толстой подошве, с каблуком и часто без декоративных «кисточек».

5

Также «Принц Уэльский»; популярный клетчатый орнамент, как правило, черно-бело-серой гаммы, на основе шотландского тартана (где видны четкие квадраты и перпендикулярно пересекающиеся группы полос) с плетением, формирующим ломаные ячейки, известные как «гусиные лапки».

6

Классический стиль Британии XVIII в., названный по имени королей Георгов I–III.

7

«Мэри-джейн» – туфли с закругленным мыском на ремешке, напоминающие детские или кукольные.

8

От названия сатирического романа американского писателя Брета Истона Эллиса (1998) о неприглядных сторонах гламурной жизни.

9

Синдром выжившего – аспект посттравматического стрессового расстройства, вина, появляющаяся у оставшихся в живых после автокатастроф, стихийных бедствий, военных действий и т. п. по отношению к погибшим.

10

Мейфэр – один из самых фешенебельных районов в центральном Лондоне.

11

Знаменитый ресторан в Мейфэре.

12

Четырежды экранизированный в Голливуде роман американского писателя Дж. Финнея (1955); две экранизации стали культовыми. Сюжет рассказывает о замещении людей дубликатами, выращенными из непонятных растений.

Купить: https://tellnovel.com/uoker_harriet/novaya-devushka

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)